
Т.В. Гимон

К ПРОБЛЕМЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ*

В статье дается обзор наиболее ранних из сохранившихся памятников древнерусского историописания (летописи, переводные хроники и хронографы, «Слово о законе и благодати» Илариона, «летописчик» Иакова Мниха, «летописные» надписи-граффити и др.) и разбираются высказывавшиеся в науке гипотезы о том, как зародилось историописание в Киевской Руси и как выглядели его древнейшие формы. В частности, разбирается вопрос о Древнейшем своде (сказании), о ранних кратких анналах и др. Затем эти вопросы рассматриваются в свете сравнительно-исторических данных, включая собранные в настоящем томе, и делается попытка ответить на поставленные в предисловии общие вопросы о зарождении историописания.

Ключевые слова: Древняя Русь, историописание, летописание, «Повесть временных лет», Древнейшее сказание, анналы, хроники, сравнительно-исторический метод

Собранные в настоящем томе статьи дают пищу для размышлений о том, как возникло историописание на Руси. В этой, последней статье тома я постараюсь использовать эту возможность. Статья состоит из четырех частей. Первая представляет собой очерк о сохранившихся ранних памятниках древнерусского историописания. Эта часть рассчитана в первую очередь на неспециалистов по Древней Руси — например на тех, кто занимается историописанием других стран и кому — со своей стороны — Русь интересна в качестве материала для сопоставления. Во второй части помещен обзор гипотез и мнений, высказывавшихся относительно того, как выглядели первые (не дошедшие до нас) опыты древнерусского

* Статья написана в Государственном Академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания № 2014/321 Минобрнауки России (проект «Письмо и повседневность: Древняя Русь в сравнительно-исторической перспективе»). Благодарю Т.Л. Викул, А.А. Гиппиуса, М.М. Дробышеву, М.Ю. Ульянова и А.С. Щавелева за замечания по этой статье.

историописания. В третьей части статьи я постараюсь поразмышлять на эту тему в свете сравнительно-исторических данных, собранных в этом томе, а в четвертой подведу некоторые итоги.

1. СОХРАНИВШИЕСЯ РАННИЕ ТЕКСТЫ

Летописи. «Повесть временных лет». Древнерусские летописи (за исключением так называемой Галицко-Волынской летописи XIII в.¹) излагают исторические события в погодной форме. Весь их текст состоит из погодных статей, начинающихся формулой «Въ лѣто такое-то»; нередко статьи являются «пустыми», т.е. после этой формулы нет никакого другого текста, год просто обозначен². Если погодная статья рассказывает более чем об одном событии, новое известие (рассказ), как правило, начинается формулой типа «Въ то же лѣто», «Тои же зимы», «Тогда же» и т.п. Эти известия/рассказы очень разнятся по своему объему — краткие записи о событиях могут соседствовать с пространными повествованиями, а и иногда с текстами совсем иной жанровой природы — агиографическими, актовыми, законодательными и др. Первой погодной статье летописи, как правило, предшествует какой-то еще текст, находящийся вне погодной сетки, — «недатированная часть» «Повести временных лет», «предисловие Начального свода» и т.д.³ Тематика летописных известий/рассказов довольно разнообразна, однако преобладают сообщения о сменах князей, военных конфликтах, усобицах и мятежах, а также о сменах церковных иерархов, строительстве церквей, природных явлениях и бедствиях, и др.⁴

¹ Так обычно называют текст Ипатьевского свода за XIII в., первоначально не имевший погодной разбивки (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 715–938; Галицко-Волинский літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М.Ф. Котляра; Координатор вид. В.А. Смолій. Київ, 2002).

² В некоторых рукописях XV в. и позже «пустые годы» стали опускать, однако для раннего летописания они, по-видимому, всегда характерны. По крайней мере, они наличествуют во всех сохранившихся рукописях середины XV в. и старше, за исключением Рогожского летописца (в трех древнейших списках Новгородской I летописи, Лаврентьевском и Ипатьевском).

³ См. очерк о внутренней форме и структуре летописей: *Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. С. 124–136.

⁴ См. анализ тематики летописных сообщений: *Guimon T.V.* What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Helsinki, 2015. Vol. 17. P. 92–117 (<https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/153792/VOL17_05_guimon.pdf?sequence=1>).

Древнейшие дошедшие до нас рукописи с летописным текстом — это пергаменные Синодальный список Новгородской I летописи (Син.) XIII–XIV вв.⁵ и Лаврентьевская летопись (Лавр.)⁶ 1377 г. Еще одна пергаменная рукопись (Троицкая летопись начала XV в., текст которой был близкородственен Лавр.) сгорела в московском пожаре 1812 г.⁷ Более двух десятков бумажных рукописей относятся к XV в.; древнейшая из них — Ипатьевский список Ипатьевской летописи (Ипат.) ок. 1418 г.⁸ Еще больше кодексов датируется XVI в. или более поздним временем.

Все сохранившиеся рукописи находятся друг с другом в том или ином текстологическом родстве. Значительные фрагменты текста являются общими у многих кодексов, хотя всегда есть и различия. Это отражает саму природу летописания: летописи можно было продолжать, редактировать, соединять друг с другом или сокращать, причем делались эти операции разными людьми и в разных городах. В дошедших до нас летописях статьи за домонгольский период восходят, в основном, к летописанию Киева, Новгорода и Владимиро-Суздальской земли, хотя некоторые фрагменты могут происходить и из других центров, например из Переяславля-Южного.

Пять сравнительно ранних кодексов — Лавр., Ипат., а также Хлебниковский список Ипатьевской летописи (Хлебн., XVI в.) и близкородственные друг другу кодексы конца XV в., Радзивилловский (Радз.) и Московско-Академический (М.-А.), — в части до 1110-х годов содержат, в общем, один и тот же текст. Поскольку эти пять кодексов начинаются словами «Се повѣсти времянных лѣт», в науке давно утвердилась традиция называть это общий текст «Повестью временных лет» (ПВЛ).

⁵ ГИМ. Син. 786. Слова «Синодальный список» относятся к самой рукописи, а «Новгородской I летописи» означает принадлежность к группе близкородственных текстов, в которую входят также некоторые рукописи XV в. Син. был вначале доведен до статьи 1234 г.; затем продолжен до статьи 1330 г., а затем еще около 20 лет к нему делались приписки о текущих событиях. См. факсимиле: Новгородская харатейная летопись / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964; и дипломатическое издание: ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 15–100.

⁶ РНБ. Ф. п. IV. 2. Может быть, более корректно назвать эту рукопись «Лаврентьевский список», но поскольку других списков «Лаврентьевской летописи» нет, оба варианта наименования являются равноценными. См. факсимиле: <<http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/index.php>>; и дипломатическое издание: ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.

⁷ См. реконструкцию: *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.

⁸ БАН. 16.4.4. См. дипломатическое издание: ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.

ПВЛ, несомненно, составлена в Киеве. В части списков (Лавр., Радз., М.-А.) после статьи 1110 г. читается приписка, из которой следует, что летопись в 1116 г. написал (переписал? отредактировал?) игумен Киево-Выдубицкого монастыря Сильвестр. Впрочем, сам текст не оставляет сомнений в том, что в значительной мере он сложился не в Выдубицком, а в соседнем Киево-Печерском монастыре. Наиболее распространена точка зрения, согласно которой ПВЛ составил киево-печерский монах Нестор, а Сильвестр Выдубицкий — только отредактировал; впрочем, в данном вопросе консенсуса среди исследователей не существует⁹.

ПВЛ включает в себя «недатированную часть» (рассказывающую о расселении народов после потопа, славянских племенах и т.д.) и погодные статьи с 852 по 1110-е годы. Текст ПВЛ за IX — первую половину XI в. по большей части состоит из связного, «монотематического» (хоть и разнесенного по погодным статьям) повествования о князьях-Рюриковичах, расширении территории Древнерусского государства, его христианизации, первых святых мучениках и т.д. С 60-х годов XI в. характер текста меняется: он перестает быть «монотематическим», в погодных статьях начинают соседствовать известия на самые разные темы, во множестве появляются дневные даты, почти исчезают «пустые годы». Несомненно, это говорит о том, что с 1060-х годов перед нами результаты деятельности летописцев-современников, тогда как более ранние статьи написаны по большей части ретроспективно¹⁰. Впрочем, скорее всего, к 1060-м годам относится лишь сложение жанра летописи в его известной нам форме, тогда как наиболее ранние опыты историописания появились на Руси в предшествующий период¹¹.

В науке предпринято немало попыток реконструировать конкретную историю сложения текста ПВЛ, датировать и охарактеризовать этапы летописной работы в XI в. Консенсуса среди ученых на этот счет не существует, и наоборот, имеется целый ряд аль-

⁹ Из последних работ о ПВЛ и ее редакциях см.: *Гунтус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // *Славяноведение*. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24; *Добровольский Д.А.* Этническое самосознание древнерусских летописцев XI — начала XII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 58–72; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 28–31, 146–154.

¹⁰ См.: *Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // *Историковедение отечественной истории*: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167.

¹¹ См. ниже и в статье А.В. Назаренко.

тернативных реконструкций¹². В следующем разделе я обращусь к тем гипотезам, которые высказывались учеными относительно древнейших исторических текстов на Руси.

Упомянутые пять рукописей (Лавр., Ипат., Хлебн., Радз. и М.-А.) содержат, если так можно выразиться, «классическую» ПВЛ. Отличные от нее версии начальной истории Руси дает новгородское летописание.

В древнейшей из рукописей, Син., начальный текст утрачен. Сохранившиеся статьи (с 1016 г.), как правило, очень кратки. Большая часть из них говорит коротко о тех же событиях, о которых в ПВЛ сказано пространно, однако есть и оригинальные известия, в большинстве своем новгородские¹³.

В Новгородской I летописи младшего извода (Н1мл.), два главных списка которой, Комиссионный и Академический, относятся к середине XV в., текст начинается нравоучительным «предисловием Начального свода», а погодное изложение — статьей 854 г. (за которой следует сразу статья 920 г., а далее уже непрерывный ряд годов). Текст Н1мл. за IX — начало XI в.¹⁴, несомненно, родственен ПВЛ, однако отличия от нее весьма сильны. В Н1мл. нет значительных фрагментов текста, находящихся в ПВЛ (и наоборот, отдельные фрагменты есть в Н1мл., но отсутствуют в ПВЛ); многие статьи имеют другую композицию и по-другому дагированы; имеются и фактологические расхождения. Так, Олег, объединивший Новгород и Киев в единую державу, в ПВЛ назван князем, а в Н1мл. — воеводой князя Игоря. А.А. Шахматов предположил, что Н1мл. отразила (пусть и не всегда точно) более ранний, чем «классическая» ПВЛ, этап летописной работы — Начальный свод 1090-х годов¹⁵. Эту гипотезу разделяют многие исследователи¹⁶,

¹² См. обобщение этой дискуссии: *Гунтуус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.

¹³ См. об этом тексте: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 615–641.

¹⁴ Текст Н1мл. за большую часть XI в. отчасти сходен с Син., отчасти — с ПВЛ, а кроме того содержит уникальные сообщения о Новгороде (см.: Там же. С. 641–650).

¹⁵ *Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1, кн. 1. С. 24–31; 2003. Т. 1, кн. 2. С. 380–412, 429–464.

¹⁶ *Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26; *Гунтуус А.А.* Рекоша дружина Игореву...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25.

и в том числе автор этих строк. Часть ученых, однако, критически относится к данной гипотезе и полагает, что в Н1мл. — поздняя переработка ПВЛ¹⁷.

Летописи Новгородско-Софийской группы — Новгородская Карамзинская, Софийская I и Новгородская IV — отражают работу сводчиков первой половины XV в. В целом, они соединяют текст «классической» ПВЛ с текстом Н1мл., однако содержат и ряд оригинальных известий (главным образом, в статьях первой половины XI в.), восходящих, вероятно, к одному из сводов-предшественников ПВЛ¹⁸.

В других летописях статьи за IX — начало XII в. вторичны по отношению к ПВЛ, новгородским или новгородско-софийским летописям. Впрочем, учеными делались попытки увидеть тексты, более ранние, чем ПВЛ, в Устюжской летописи, «Летописце Переяславля-Суздальского», в так называемой Иоакимовской летописи, использованной В.Н. Татищевым, и др.¹⁹ Здесь эти попытки обсуждаться не будут.

Переводные исторические сочинения и хронографы. На Руси имел хождение целый ряд византийских исторических сочинений в церковнославянском переводе. Уже в ПВЛ есть заимствования по меньшей мере из двух таких сочинений — хроник Георгия Амартола (с продолжением) и Иоанна Малалы²⁰, т.е. они попали на Русь не позднее начала XII в. При этом сами переводы сохранились в более поздних списках. Древнейший список славянского Амартола —

Р. 147–181; *Он же*. До и после Начального свода. С. 46–49; *Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–561.

¹⁷ Из последних работ см.: *Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35; *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015. С. 100–239; *Ostrowski D.* The Načal'nyj svod and the Povest' vremennyx let // *RL*. 2007. Vol. 31. P. 269–308; *Толочко А.П.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. Київ, 2008. Вип. 7. С. 154–165; *Аристов В.Ю.* Ранне літописання про уличів, древлян и Свенельда (до дискусії навколо ідей О.О. Шахматова) // Український історичний журнал. 2011. № 6. С. 172–182. См. также статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

¹⁸ См.: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. С. 651–685.

¹⁹ См. отсылки к литературе «за» и «против»: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 104–106.

²⁰ См. статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

Тверской начала XIV в.²¹; полного списка славянского Малалы вообще не существует, а в составе компиляций текст известен с XV в.²² Вопрос о месте перевода хроники Амартола на славянский язык остается дискуссионным: Болгария X в. или, скорее, Киев XI в.²³ Труд Малалы, скорее всего, был переведен в Болгарии, вероятно, еще в X в.²⁴

Кроме собственно переводов, на Руси создавались компилятивные сочинения на основе этих переводов, а также библейских книг, апокрифов и других источников, — так называемые хронографы. Хронографы сохранились в рукописях начиная с рубежа XIV–XV вв.²⁵ Однако, скорее всего, некоторые из компиляций были составлены раньше. Целый ряд ученых возводит к XI в. так называемый Хронограф по великому изложению (ХВИ) — общий протограф ряда памятников более позднего времени. Впрочем, согласно Т.Л. Вилкул, нет данных датировать этот текст столь ранним временем; он может относиться и к XIII–XIV вв. Исследовательница полагает, что жанр хронографов возник как серия опытов отдельных книжников, соединявших имевшийся у них под рукой материал по мировой истории²⁶. Датировать эти древнейшие опыты чрезвычайно сложно; на данный момент, согласно Вилкул, наи-

²¹ Факсимиле см.: <<http://www.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=5&manuscript=100>>. О рукописной традиции хроники см.: *Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009. Совсем небольшие фрагменты хроники читаются в Успенском сборнике конца XII — начала XIII в. и в списках Пролога начиная со второй половины XIII в. (*Анисимова Т.В.* О фрагментах хроники Георгия Амартола в Успенском сборнике рубежа XII–XIII вв. и в учительной части Пролога // Хризограф: Сб. ст. к юбилею Г.З. Быковой. М., 2003. С. 44–56).

²² Издание большинства фрагментов: *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринт. изд. маг-лов / Вступит. ст., подгот. изд. и прил. М.И. Чернышевой. М., 1994. В составе древнерусской рукописи «Златоструя» XII в. обнаружен отрывок из хроники Малалы в *другом*, отличном от известного по остальным источникам, славянском переводе (*Абрамович Д.И.* Отрывок из хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII века // Сб. ст. в честь акад. А.И. Соболевского, изданный к 70-летию со дня его рождения Академией наук по почину его учеников. Л., 1928. С. 19–24; *Истрин В.М.* Хроника. С. 399–401).

²³ Последнюю работу на эту тему см.: *Пеев Д.П.* Новые данные о времени и месте перевода хроники Георгия Амартола // ЛХ, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 13–38.

²⁴ *Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // СККДР. Вып. 1. С. 472.

²⁵ Древнейшая рукопись содержит Краткий Троицкий хронограф (*Вилкул Т.Л.* Краткий Троицкий хронограф конца XIV — начала XV вв. // *Ruthenica*. Київ, 2007. Т. 6. С. 366–396).

²⁶ См. статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе и: *Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф.

более древним может быть признан общий протограф Иудейского и Софийского хронографов, составленный не позднее середины XIII в.²⁷

Если это верно, то жанр хронографов вряд ли имеет отношение к зарождению историописания на Руси, несмотря на высказывавшиеся гипотезы (см. в следующем разделе). Напротив, славянские переводы хроник Амартола и Малалы, очевидно, были известны в Киеве в XI — начале XII в., использовались древнейшими летописцами и не могли не оказать влияния на ранние опыты оригинального древнерусского историописания.

«Слово о законе и благодати» Илариона²⁸, созданное в эпоху Ярослава Мудрого²⁹, трудно отнести к историописанию в собственном смысле слова — это памятник торжественного красноречия, проповедь, завершающаяся похвалой Владимиру и Ярославу. Однако эта проповедь посвящена осмыслению места Руси в мировой истории, ее включению в круг христианских народов. Очень важно, что, наряду с прославлением крещения Руси, строительства церквей, христианских добродетелей Владимира и Ярослава, Иларион коротко упоминает о языческом прошлом Руси, подчеркивая могущество и славу отца и деда Владимира, а также военнополитические достижения Владимира *еще до* крещения. Это вполне соответствует видению прошлого, отразившемуся в ПВЛ: христианизация Руси важна, но не менее важна история династии и государства в предшествующий период³⁰.

²⁷ Вилкул Т.Л. Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 65–86.

²⁸ См. издания: Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984; Акентьев К.К. «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // *Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН И.П. Медведева*. СПб., 2005. С. 116–151. «Слово» сохранилось в 32 списках XV–XVII вв. (Молдован А.М. «Слово о законе и благодати». С. 19–28); небольшой отрывок дошел до нас в сборнике второй половины XIII в. (Там же. С. 24).

²⁹ Ученые предлагают разные даты в пределах 1020–1040-х годов, см.: Назаренко А.В. О времени написания «Слова о законе и благодати» Илариона // ВЕДС–XVII: Проблемы источниковедения. 2005. Ч. 1. С. 121–123. Автор склоняется к датировке памятника 1045–1046 гг.

³⁰ Ср., например: *Tolochko O.P. Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical narratives and Christian identity on a European periphery: Early history writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe* (с. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 225–226.

«Летописчик» из «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова Мниха. Особая форма исторических записей как будто отразилась в заключительной части «Памяти и похвалы» Иакова Мниха — одного из наиболее ранних житийных сочинений о Владимире Святом, вероятно, составленного в XI в.³¹ Там перечисляются события княжения Владимира, однако датированы они не от Сотворения мира (как в летописях), а по годам от начала правления Владимира и от его крещения («На другое лѣто по крещеньи къ порогомъ ходи, на третье Корсунь городъ взя, на четвертое лѣто церковь камену святыя Богородица заложил...» и т.п.). Характер этого источника определялся исследователями по-разному: как выписки из древнейшего летописного памятника³², из прижизненной биографии Владимира³³, или же как «редчайший образец древнейших летописных записей»³⁴. Вопрос этот вряд ли может быть однозначно решен, хотя бы потому, что сама «Память и похвала» — текст компилятивный, ее история не до конца ясна, а исторические заметки в ее составе не составляют цельного фрагмента. Ясно только, что этот памятник сохранил более древнюю, чем отразившаяся в ПВЛ, традицию, согласно которой Владимир крестился не в Корсуне, а в Киеве, а также более архаичный (нежели в дошедших до нас летописях) способ счета лет³⁵.

Перечни. В ряде рукописей XV в. и более позднего времени (главным образом связанных с новгородским летописанием) читаются многочисленные перечни князей, церковных иерархов, посадников, тысяцких, а также епископий и городов. Кроме того, перечень киевских князей помещен в качестве вводной статьи в Ипат. В своем нынешнем виде эти перечни, конечно, памятники XV в.

³¹ Дошло до нас в списках XV–XVII вв. См. публикации: *Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха князю Владимиру и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 66–75; *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие источники. СПб., 2008. С. 417–426. Общие сведения см.: *Артамонов Ю.А., Милютенко Н.И.* Иаков Мних // ДРСМ. С. 536–546.

³² *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 31–41, 311.

³³ *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир. С. 51–80 и др.

³⁴ *Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 31. Ср. также: *Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 18–19; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 56–57, 100.

³⁵ Об этом памятнике см. также в статье А.В. Назаренко в настоящем томе.

Однако высказывались обоснованные гипотезы о том, что многие из них имеют существенно более древние протографы. На мой взгляд, три перечня (новгородских и киевских князей, новгородских епископов), в части за XI в. представляющие собой не сколько каталоги, сколько краткие исторические обзоры, восходят к протографам 1090-х годов³⁶. Если это верно, то в Новгороде перечни-обзоры были одной из самых ранних форм историописания. Впрочем, у нас нет данных в пользу их еще более древнего происхождения³⁷ или составления аналогичных текстов в Киеве в XI в.

«Летописные» («исторические») граффити древнерусских церквей известны с 1050-х годов³⁸. В одном случае как будто можно говорить даже о двух записях, сделанных подряд, т.е. о начатках летописи³⁹. О таких надписях из киевского Софийского собора подробно говорится в статье М.М. Дробышевой в настоящем томе. Для более позднего времени обнаружены «летописные» граффити и в других храмах. Чрезвычайно важна находка 2014 г.: при понижении пола Георгиевского собора новгородского Юрьева монастыря были найдены многочисленные фрагменты штукатурки с надписями-граффити, часть из которых можно отнести к «летописным». Особенно интересна группа записей о событиях 1160-х годов, имеющих годичную датировку и сделанных одним почерком, — своего рода небольшая летопись⁴⁰.

Другие «малые формы» историописания. В древнерусских рукописях встречаем самые разные краткие исторические тексты — «автобиографию» (перечисление походов и охотничьих достижений) в составе «Поучения» Владимира Мономаха (рубеж XI–XII вв.)⁴¹; выписки из летописи, посвященные основанию монастыря и смертям двух его основателей (Новгород, конец XII в.)⁴²; перевод «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора с русским про-

³⁶ См.: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. С. 594–615.

³⁷ Критику гипотезы С.М. Михеева о создании перечней в Новгороде в 1070-х годах см.: Там же. С. 602–605, 610.

³⁸ Для плохо читаемого граффито № 99 предложена датировка: 1030 г.

³⁹ *Шавелев А.С.* Граффити о съезде князей на реке Желяни: вопрос датировки // Ломоносов–2001. История: Тр. науч. конф. студентов и аспирантов: Сб. тез. М., 2001. С. 3–5.

⁴⁰ Эти материалы пока не опубликованы. Ссылаюсь на доклад А.А. Гиппиуса, прочитанный им 26 декабря 2014 г. на семинаре Лаборатории лингвосомиотических исследований Высшей школы экономики.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247–252.

⁴² См.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 291–293.

должением (XIII в.) и другие тексты, восходящие к византийским «малым хроникам»⁴³; пасхалии с летописными записями (XIV в. с вероятным протографом 1260-х годов; XV в.)⁴⁴; отдельные записи исторического содержания на книгах (с конца XIII в.)⁴⁵; и др. Нельзя исключать, что тексты, подобные названным, составлялись и в более раннее время⁴⁶. Однако прямых данных об этом, к сожалению, нет.

2. ОБЗОР ГИПОТЕЗ О НАИБОЛЕЕ РАННИХ ТЕКСТАХ

Следующая моя задача — дать обзор гипотез о том, как зародилось древнерусское летописание, как выглядели и при каких обстоятельствах появились древнейшие исторические записи на Руси. Обзор не претендует на полноту (особенно в части, касающейся трудов XIX в.), однако я постараюсь по возможности продемонстрировать многообразие выдвигающихся мнений и прокомментировать степень их обоснованности.

Представления ученых XVIII–XIX вв. Исходной точкой, конечно, является сложившееся уже к XVIII в. представление о том, что древнейший исторический памятник Руси — это «Несторова летопись» (сейчас обычно называемая ПВЛ). Ученые XVIII–XIX вв. могли по-разному определять время ее создания — т.е. момент, когда закончил работать Нестор и начали его продолжатели (конец XI в., начало XII в., 1070-е годы). По-разному отвечали и на вопрос, был ли Нестор *первым* летописателем и насколько велика вероятность наличия у него предшественников. Иногда в связи с этим вспоминали так называемую Иоакимовскую летопись — текст, цитируемый В.Н. Татищевым и якобы связанный своим происхождением с первым новгородским епископом рубежа X–XI вв. Иоакимом; впрочем, взгляд на Иоакимовскую летопись

⁴³ См.: Там же. С. 270–275.

⁴⁴ См.: Гимон Т.В. Летописные записи на пасхальных таблицах в сборнике XIV в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 569–589; Гимон Т.В., Орлова-Гимон Л.М. Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.1.762 (XV в.) // ИИ. 2014. Вып. 6. С. 54–79.

⁴⁵ См. сводное издание: Столярова Л.В. Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // ДГ, 1995 год. М., 1997. С. 3–79. См. также статью Л.В. Столяровой в настоящем томе.

⁴⁶ Ср. не раз высказывавшееся мнение об очень раннем появлении на Руси записей на пасхалии — впрочем, ничем пока не подтвержденное — см. отсылки: Гимон Т.В. Историописание. С. 262, примеч. 96.

часто бывал скептическим. Наконец, в связи с этим вставал вопрос о важности византийского влияния на труд Нестора⁴⁷.

С другой стороны, в XIX в. стала популярной мысль о том, что летописание берет свое начало из каких-то очень кратких заметок. Так, М.П. Погодин одним из источников Нестора считал «какие-нибудь прежние записки, церковные или монастырские, хронографические отметки и тому под.»⁴⁸. М.И. Сухомлинов говорил о древнейших «календарных заметках» X–XI вв.⁴⁹, которые он связывал с пасхальными таблицами⁵⁰. Ученый полагал, что со временем такие заметки развились в более обширную летопись (древнейшим образцом которой следует признать труд Нестора)⁵¹. Схожую мысль высказывал И.Е. Забелин: первые «годовые заметки... вносились для памяти, напр[имер], в пасхальные таблицы, или же могли для памяти вписываться при святцах, в синодиках или поминальниках, вообще в книгах церковного круга». Ученый считал, что наряду с пасхальными таблицами и святцами, вероятно, составлялись «перечни владетельных лиц» — типа «Летописца вскоре» патриарха Никифора, а также исторические заметки на свободных листах книг⁵². И.И. Срезневский полагал, что под рукой у создателя ПВЛ были «летописные заметки, хотя бы и безжизненные по изложению, бессвязные по взаимному соотношению, в том же роде как заметки древних анналистов западной Европы, но заметки погод-

⁴⁷ Из наиболее важных размышлений о Несторе, Иоакиме и т.д. см.: *Татищев В.Н.* Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 107–121; *Миллер Г.Ф.* О первом летописателе Российском преподобном Несторе и его летописи и о продолжателях оныя // *Миллер Г.Ф.* Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 5–11; *Шлёцер А.-Л.* Нестор: Русские летописи на древнеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером... СПб., 1809. Ч. 1. С. иі–кд; *Перевоицков В.М.* О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. СПб., 1836. С. 26–32; *Погодин М.П.* Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839. См. обзор того, как обсуждались эти вопросы в литературе XVIII–XIX вв.: *Голубовский П.В.* Очерк истории постепенного появления главнейших вопросов по разработке летописей // Университетские известия. Киев, 1886. С. 205–210.

⁴⁸ *Погодин М.П.* Нестор. С. 89–97, цит. с. 89.

⁴⁹ *Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Уч. зап. 2-го отделения Имп. акад. наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 2, 26, 46. (В дохристианские времена, по мнению Сухомлинова, календарные заметки могли делаться при помощи «черт и резов». — Там же. С. 2.)

⁵⁰ Там же. С. 27–45, 216.

⁵¹ Там же. С. 26, 41–51, 216–217.

⁵² *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 473–477.

ные, сделанные еще тогда, когда можно было заметить верно, когда именно случилось какое происшествие»⁵³. Ученый считал, что такие заметки уже велись во времена Игоря и Святослава⁵⁴, причем представлял себе древнейшие записи как «таблицы годов», в которых были перечислены годы правления того или иного князя и напротив некоторых лет указаны исторические события⁵⁵. Впрочем, мысль о древних кратких записях разделяли не все ученые XIX в.: например, П.Г. Бутков, полемизируя с представителями «скептической школы» (М.Т. Каченовский и др.), отказывался говорить о «монастырских записках» как об особом, отличном от дошедших до нас летописей, историографическом жанре⁵⁶.

В работах ряда ученых второй половины XIX в. (тот же И.И. Срезневский, Н.И. Костомаров, К.Н. Бестужев-Рюмин и др.) говорится о том, что наряду с краткими записями в X–XI вв. появились пространные сказания о событиях как дохристианской, так и христианской истории. Те и другие (а также византийские источники и устные предания) легли в основу ПВЛ и других дошедших до нас летописных «сборников»⁵⁷.

А.И. Маркевич (который, кстати, был одним из немногих, кто рассмотрел русские летописи в широкой сравнительно-исторической перспективе — включая памятники древневосточной, античной, византийской и западноевропейской историографии⁵⁸) так обрисовал наиболее вероятный, по его мнению, сценарий зарождения летописания на Руси:

При возникновении у нас письменности (до официального крещения. — *Т.Г.*) ...были записаны устные исторические сказания; в то же

⁵³ *Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях. Чтение I–III. СПб., 1862. С. 3.

⁵⁴ Там же. С. 7.

⁵⁵ Там же. С. 11–15.

⁵⁶ *Бутков П.Г.* Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840. С. 177–187.

⁵⁷ Там же. С. 21–31; *Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории / Сост. по записям слушателей П. Гайдебуровым. СПб., 1861. Ч. 1: Источники русской истории. С. 97–98; *Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868. С. II–IV, 31–48 и др.; *Он же.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 23–24; *Хрущев И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев, 1878. С. 1–10 (ученый считал, что вначале возникают краткие записи, затем — сказания, а затем — повести «о давно минувшем» и своды-сборники).

⁵⁸ *Маркевич А.И.* О летописях: Из лекций по историографии. Одесса, 1883. Вып. 1. С. 3–23.

время существовали мелкие летучие заметки о каких-либо событиях с числовыми данными (например обозначение года чьей-либо смерти на надгробном памятнике и т.п.), может быть даже записанные из простого любопытства. По принятии христианства при Св. Владимире, при большем чем прежде знакомстве с византийской литературой, такие заметки и сказания (иные из них сложились уже по византийским образцам) послужили источником для древнерусской летописи, составлявшейся по образцу греческой. Когда летописная форма усвоилась, то по образцу ее и стало продолжаться ведение летописного рассказа⁵⁹.

Считая этот сценарий «гипотетическим», Маркевич, тем не менее, датировал появление первых сказаний и заметок X или даже IX, а летописи как жанра — XI в.⁶⁰

В ряде работ второй половины XIX в. появилась еще одна идея — о некоем пространным «сказании», которое излагало древнейший период русской истории и в которое позднее оказалось разбитым на годовые статьи. Следы разделения на годы подобного связного повествования отмечал в ПВЛ С.М. Соловьёв⁶¹. К.Н. Бестужев-Рюмин полагал, что один из главных источников ПВЛ — это неразделенная на годы «повесть», доведившая свое изложение до начала княжения Олега⁶². Эта идея, пусть и в несколько ином виде, стала важнейшей и для историографии XX — начала XXI в.

Первоначальное повествование, не разделенное на годы (Древнейшее сказание). В классической схеме А.А. Шахматова Древнейший свод 1039 г. — наиболее ранний из реконструируемых ученым памятников киевского летописания — не имел погодной разбивки, свойственной дошедшим до нас летописям. Согласно Шахматову, в Древнейшем своде были лишь отдельные годовые даты (не образывавшие непрерывной последовательности), да и те — только в части за середину X — начало XI в. Древнейший свод, по Шахматову, был основан на устных преданиях, некоей болгарской летописи⁶³, а также отдельных небольших текстах вроде

⁵⁹ Там же. С. 55.

⁶⁰ Там же. С. 55–58.

⁶¹ Соловьёв С.М. Соч. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 102.

⁶² Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. С. 23, 39.

⁶³ Идея о болгарском источнике русской летописи (Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 312–314) справедливо отвергается в науке (см.: Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова // ИОРЯС. Л., 1921. Т. 26. С. 53–56).

сказания о княгине Ольге, варягах-мучениках и т.д.⁶⁴ Первой переработкой Древнейшего свода был, по мнению ученого, новгородский свод 1050 г., который тоже не имел еще погодной сетки⁶⁵. У последнего имелся и местный источник — новгородская «летопись» 1017 г., продолженная в 1036 г. Ученый не высказывается определенно относительно того, имела ли эта «летопись» погодную структуру, но охватывала она, по Шахматову, сравнительно небольшой период и небольшой круг событий новгородской истории конца X — начала XI в.⁶⁶

Ряд исследователей разделял идею Шахматова о новгородском своде середины XI в., однако высказывался и скепсис на этот счет. На мой взгляд, оснований для реконструкции такого свода (равно как и предшествовавшей ему «летописи») нет — появление летописных сведений о Новгороде XI в. вполне можно объяснить и без этой гипотезы⁶⁷. Иное дело — киевский Древнейший свод. Некоторыми учеными гипотеза об этом своде была в целом принята⁶⁸, другие же, по-иному определяя дату создания и состав этого памятника, тем не менее соглашались, что у истоков киевского историописания стоял нарратив, не разбитый на годовые статьи.

Так, в схеме Д.С. Лихачёва таким нарративом является «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», окончательно сложившееся в начале 1040-х годов⁶⁹; по гипотезе Н.К. Никольского — «Повесть о поляно-руси», доходившая как минимум до времени Владимира⁷⁰; по предположению Л.В. Черепнина — Древнейший свод 996 г., который, в свою очередь,

⁶⁴ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 309–312. См. также шахматовскую реконструкцию текста Древнейшего свода: Там же. С. 359–430.

⁶⁵ Там же. С. 328–348, 431–449 (реконструкция текста).

⁶⁶ Там же. С. 331–342.

⁶⁷ См.: Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 584–687.

⁶⁸ Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 61–64; Насонов А.Н. История. С. 34–46; Милютенко Н.И. Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica antiqua*, 2006: Исслед. и мат.-лы. СПб., 2006. С. 156–169.

⁶⁹ Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 62–76, 84–85. Критику этой гипотезы Лихачёва см.: Баловнев Д.А. Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.

⁷⁰ Никольский Н.К. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1. С. 31–44. Критику см.: Насонов А.Н. История. С. 16–18.

основывался на еще более ранней «Повести о полянах-руси»⁷¹; в схеме М.Н. Тихомирова — «Сказание о русских князьях» конца X в.⁷²; по гипотезе С.В. Бахрушина — «Повесть о первых русских князьях», написанная в эпоху Ярослава Мудрого⁷³; в реконструкции М.Х. Алешковского — «Начальная летопись», созданная около 1067 г.⁷⁴

Сама необходимость предполагать у истоков русского летописания связный нарратив, не имевший погодной структуры, не вызывает сомнений. В тексте ПВЛ и Н1мл. сохранилось немало следов разбивки на годовые статьи первоначально связанного текста⁷⁵. Представляется удобным называть этот текст — каковы бы ни были его состав и время создания — Древнейшим сказанием (в новейших работах он именуется либо так, либо просто «Сказанием», «древнейшим ядром», «нарративным ядром» или просто «Ядром»)⁷⁶. Слово сочетание «Древнейшее сказание» импонирует мне потому, что, с одной стороны, отсылает к шахматовскому «Древнейшему своду», а с другой — подчеркивает цельность этого первоначального памятника и его связь с устной традицией.

Важное место в дискуссии о Древнейшем сказании принадлежит работам А.А. Гиппиуса. В статье 2001 г. при помощи лингвистической стратификации (на основании распределения форм аориста глагола «речи» [сказать] — архаических типа «рѣша» и более новых типа «рекоша», — а также ряда других наблюдений) он очертил

⁷¹ Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // Изв. 1948. Т. 25. С. 331–333.

⁷² Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 46–66. Идею о «Сказании о русских князьях» поддержал С.В. Цыб (Цыб С.В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011. С. 42, 60; *Он же*. Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период. Барнаул, 2003. С. 67–70 и сл.).

⁷³ Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 23–29.

⁷⁴ Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 63–71; *Он же*. К типологии. С. 146–154.

⁷⁵ См.: Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 83–84; Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 24–25; Алешковский М.Х. Повесть. С. 63–71; *Он же*. К типологии. С. 146–149; Цыб С.В. Хронология. С. 67, 70–71; Гиппиус А.А. Рекоша дружина. Р. 163; *Он же*. Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 73–74; *Он же*. До и после Начального свода. С. 50 и сл.; Лукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 189–199; Добровольский Д.А. Этническое самосознание. С. 104–105.

⁷⁶ См. отчасти: Гиппиус А.А. До и после Начального свода. С. 51, 54.

примерные границы древнейшего ядра ПВЛ, которое, согласно ученому, оканчивалось описанием крещения Руси (впрочем, сильно измененным при последующих переработках текста)⁷⁷. Впоследствии, в ходе полемики с О.Б. Страховой, Гиппиус несколько уточнил и расширил свою аргументацию, но основной вывод остался прежним: в составе ПВЛ может быть реконструировано первоначальное ядро, охватывающее события IX–X вв.⁷⁸ И, хотя на собственно лингвистических основаниях датировать это ядро невозможно, Гиппиус склоняется к тому, что оно было составлено при Владимире, на рубеже X–XI вв. Ученый пишет, что создание такого текста нельзя рассматривать как грандиозное предприятие: «реконструируемый... памятник представлял собой довольно скромное сочинение, укладываемое в несколько пергаменных тетрадок», а для его создания «требовалось лишь осознание возможности применения славянского письма вне конфессиональной сферы, что для эпохи Владимира свидетельствуется хотя бы надписями на монетах»⁷⁹. Гиппиус определяет этот текст как письменное оформление устной традиции, в качестве литературной модели (единственно возможной на тот момент) использовавшее исторические книги Ветхого Завета⁸⁰.

К. Цукерман и С.М. Михеев, согласившись в целом с выводами А.А. Гиппиуса, предлагают датировать Древнейшее сказание чуть более поздним временем — 1016–1017 гг. — и считать, что оно доходило до статьи 6524 [1016] г.

К. Цукерман указал на четыре пассажа в тексте ПВЛ и/или Н1, которые, по его мнению, не могли быть написаны позже, чем в 1016–1017 гг.⁸¹ На мой взгляд, во всех этих случаях аргументация является косвенной и не носит обязательного характера⁸². Кроме

⁷⁷ *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина. Р. 147–181. О том, что текст доходил до крещения Владимира: Там же. Р. 164. Это также подчеркивается: *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода. С. 57, 61.

⁷⁸ *Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игорев...–3: Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. Р. 248–287.

⁷⁹ Там же. Р. 263, примеч. 16.

⁸⁰ Там же. Р. 272.

⁸¹ *Цукерман К.* Наблюдения. С. 199–206.

⁸² Ссылка под 980 г. ПВЛ/Н1мл. на «сельце Предъславино» может относиться не к Передславе, увезенной в Польшу в 6526 г., но к ее тезке, например, второй половины XI в. (*Милютенко Н.И.* [Рец.] // ДРВМ. 2011. № 1 (43). С. 117. — Рец. на кн.: Борисо-глебский сборник / Ред. К. Цукерман. Р., 2009. Вып. 1), а может — просто к названию сельца. Неясно, почему фраза (в прошедшем времени!) Н1 под 6524 г. «И бѣжа Святопѣлькъ въ

того, исследователь отмечает, что после статьи 6524 г. в ПВЛ и Н1мл. следует краткая статья 6525 [1017] г., достоверность и хронологическая точность которой подтверждается Титмаром Мерзбургским. По мнению Цукермана, эта статья — не что иное, как анналистическая приписка к Древнейшему сказанию⁸³. Однако анналистические записи первой половины XI в. вполне могли существовать отдельно от Древнейшего сказания, а не быть приписками к нему. К тому же известие 6525 г., скорее всего, не было *первой* такой записью⁸⁴. Следовательно, наличие этой записи не может быть аргументом в пользу того, что Древнейшее сказание доходило до предыдущего года. Также К. Цукерман придает значение тому факту, что в Н1 статьей 6524 г. заканчивается пространный текст, каковой исследователь и отождествляет, в целом, с Древнейшим сказанием⁸⁵. Однако, на мой взгляд, «граница 6524 г.» в Н1 находит себе более простое объяснение: для новгородского сводчика общая история Киева и Новгорода заканчивалась дарованием Ярославом Новгороду «правды и устава», и потому дальнейшее полное воспроизведение киевского источника просто не требовалось⁸⁶. Наконец, слова «Ярославу же сущю Новѣгородѣ» в начале статьи 6522 (1014) г., и особенно частицу «же» (читающуюся в Н1мл.), Цукерман считает признаком того, что статьи 6504 и 6522 гг. изначально логично продолжали одна другую⁸⁷. Это, конечно, справедливо, однако текст начиная со слов «Ярославу же» мог быть написан не только автором Древнейшего сказания, но и его продолжателем⁸⁸.

С.М. Михеев добавляет к аргументам К. Цукермана соображения, основанные на анализе «маркеров» — стилистических и язы-

Печѣнѣгы» должна была быть написана именно тогда, когда Святополк там находился. Точно так же не ясно, почему выражение «еже не дають» (о варяжской дани новгородцев, в Н1мл. под 6362 г.) «указывает, что... выплаты были только что прекращены» (Цукерман К. Наблюдения. С. 206); да и времени отмены выплат мы, строго говоря, не знаем. Наконец, слова «еже суть и до сего дне подь Русью» (о Червенских городах, занятых Владимиром в 981 г., ПВЛ/Н1мл.) указывают на состояние дел в момент работы летописца, но не обязательно на то, что в промежутке не было никаких «пертурбаций и смены власти» (Там же).

⁸³ Цукерман К. Наблюдения. С. 228–229.

⁸⁴ См. ниже и в статье А.В. Назаренко.

⁸⁵ Цукерман К. Наблюдения. С. 222–227.

⁸⁶ См.: Лихачёв Д.С. Софийский временник и новгородский политический переводот 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 263–264; Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 617–618.

⁸⁷ Цукерман К. Наблюдения. С. 193–194, 198.

⁸⁸ См. примеч. 145 в статье А.В. Назаренко.

ковых примет определенных слоев текста, которые отличают текст до 6524 г. от последующего. Кроме того, Михеев полагает, что только до статьи 6524 г. встречается «разрыв текста погодной сеткой и тематическими подзаголовками»⁸⁹. Наконец, исследователь считает слова «В лѣто 6537. Мирно бысть» признаком того, что это — первая «пустая» статья «погодной летописи, которой составитель Свода Никона продолжил Древнее сказание»⁹⁰. Соображения С.М. Михеева кажутся мне более вескими, чем аргументы К. Цукермана, однако тоже нуждающимися в дальнейшем обсуждении, каковое вряд ли может быть предпринято в рамках настоящей статьи.

А.А. Гиппиус в работе 2012 г. подверг критике аргументацию К. Цукермана и С.М. Михеева⁹¹, однако несколько модифицировал и свою схему. На основе ряда текстологических соображений Гиппиус предположил, что в начале 1060-х годов, при Изяславе Ярославиче, Древнейшее сказание рубежа X–XI вв. было несколько отредактировано и продолжено описанием событий времен Ярослава Мудрого. Этот новый текст, как и Древнейшее сказание, не имел еще погодной сетки. По мнению ученого, он отчасти отразился в новгородско-софийских летописях (в статьях за 1020–1040-е годы)⁹².

Развитие дискуссии о Древнейшем сказании читатель найдет в статье А.В. Назаренко в настоящем томе. Ученый считает, что это сказание доходило в своем первоначальном виде до 990-х годов, но в уже в 1040-х было продолжено «повестью о Ярославе», охватывавшей события 1010–1040-х годов. По мнению Назаренко, это продолжение заканчивалось описанием похода на Византию 1043 г. и кратким рассказом о взаимоотношениях Ярослава с Польшей.

Итак, названные исследователи сходятся на том, что у истоков русской историографии стояло Древнейшее сказание, не разбитое на годы и созданное в эпоху Владимира или Ярослава. Вы-

⁸⁹ А.А. Гиппиус здесь возражает, что сводчик, «осуществлявший погодную сегментацию текста», для периода правления Ярослава уже располагал «аутентичными погодными записями», что существенно изменило приемы его работы (*Гиппиус А.А.* До и после Начального свода. С. 58).

⁹⁰ *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 120–122.

⁹¹ *Гиппиус А.А.* До и после Начального свода. С. 56–60.

⁹² Там же. С. 60–61; *Гиппиус А.А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // *Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Мат-лы конф.* М., 2012. С. 41–50. На мой взгляд, в новгородско-софийских летописях скорее отразился более поздний этап киевского летописания — Начальный свод 1090-х годов (см.: *Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. С. 673–676).

двинутые совсем недавно гипотезы предполагают, что этот текст получил дальнейшее развитие, еще не превращаясь в привычную нам летопись: был продолжен или переработан в 1060-х годах (А.А. Гиппиус) или же получил продолжение в виде «повести о Ярославе» (А.В. Назаренко).

На мой взгляд, наиболее трудной стороной дела является датировка Древнейшего сказания. Лингвистический критерий («рѣша/рекоша» и пр.) позволяет выделить древнейшую часть (за IX–X вв.), однако, во-первых, не позволяет датировать ее создание и, во-вторых, не позволяет четко определить, где эта древнейшая часть заканчивалась. А.А. Гиппиус пишет о том, что рассказ первоначально, вероятно, был доведен до крещения Руси, однако архаичные формы типа «рѣша» есть и в последующих статьях (причем в статье 6504 [996] г., рассказывающей о завершении строительства Десятинной церкви и дающей общую характеристику правления Владимира, присутствуют только они — три раза в конце статьи). Может быть, все-таки правы те, кто связывает древнейший памятник русского историописания со строительством Десятинной церкви, о завершении которого как раз и говорится под 6504 г. (Л.В. Черепнин, А.В. Назаренко)? Тем более, что до 6504 г. доходит и «летописчик» Иакова Мниха.

В то же время характеристика Владимира в статье 6504 г. оставляет ощущение написанной не при жизни князя, но позже, фиксируя некий отложившийся в исторической памяти образ «золотого века»⁹³. Разумеется, ощущение не есть доказательство. Однако тот факт, что лингвистически текст до конца X в. отличается от последующего, не обязательно означает, что Древнейшее сказание было создано при жизни Владимира. Например, оно могло быть создано при Ярославе (или даже при Ярославичах?), но двумя авторами, первый из которых, использовавший исключительно архаические формы типа «рѣша», довел изложение до времени Владимира. А может быть, граница (еще одна?) в действительности проходит по статье 6524 г., как считают К. Цукерман и С.М. Михеев? Не

⁹³ Ср. похожие мотивы в характеристике крестителя Нортумбрии короля Эдвина в «Церковной истории» Беды, написанной спустя сто лет после крещения, — см.: *Гимон Т.В.* Крещение Нортумбрии у Беды Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 64–70. Ср. также мнение С.М. Михеева, относящего большую часть статьи 6504 г. к пластам второй половины XI в. (*Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет». С. 111).

упрощает проблему упоминание правителей соседних государств в статье 6504 г.: «И бѣ жива съ князи околними миромь, съ Болеславомь Лядьскимь, и съ Стефаномь Угрьскимь, и съ Андрихомь Чешьскимь, и бѣ мирь межю ими и любы»⁹⁴. Строго говоря, мирные отношения одновременно со всеми тремя правителями у Владимира могли быть только в 1012–1013 гг., когда Олдржих уже стал чешским князем, а с Болеславом еще не началась война⁹⁵. Следует ли из этого, что Древнейшее сказание написано именно в это время? Или, действительно, перед нами ретроспективный взгляд на «золотой век» Владимира из эпохи Ярослава?

Не буду пытаться однозначно ответить здесь на все эти вопросы. Ясно только, что из новейших исследований ПВЛ вырисовываются контуры Древнейшего сказания — связного, непогодного рассказа о ранней истории Руси, основанного главным образом на устной традиции и созданного в очень ранний период — не исключено, что в эпоху Владимира или Ярослава⁹⁶.

Отдельные письменные сказания. Я уже упоминал, что существование таких сказаний, наряду с краткими записями, предполагали многие ученые XIX в. Аналогичным образом А.А. Шахматов считал источниками Древнейшего свода 1039 г. ряд ранее записанных сказаний — о княгине Ольге, о варягах-мучениках, о Владимире, «вышегородскую запись» об убиении Бориса и Глеба⁹⁷. В недавнее время это дало повод К. Цукерману иронически охарактеризовать представления Шахматова о начале русского историописания как «первозданный хаос древних источников», над которым «возносится как твердь над хаосом» Древнейший свод (а также его новгородская переработка 1050 г.)⁹⁸. Тем не менее в работах ученых XX — начала XXI в. также не раз высказывались предположения о более древних, нежели древнейший памятник историописания, небольших текстах, носивших агиографический характер и отразившихся не только в летописях, но и в проложных сказаниях и других дошедших до нас житийных памятниках — об Ольге, Владимире, варягах-мучениках, основании Десятинной церкви

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126.

⁹⁵ См. примеч. 141 к статье А.В. Назаренко, а также: ПВЛ 1996. С. 618, примеч. 1 к с. 467.

⁹⁶ О критике А.П. Толочко идеи Древнейшего сказания см. чуть ниже, а также в разделе 3.

⁹⁷ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 314–319.

⁹⁸ Цукерман К. Наблюдения. С. 190.

и т.д.; впрочем, во всех этих случаях датировки древнейших несохранившихся текстов проблематичны⁹⁹. В общем виде мысль о том, что агиография могла быть более ранней формой фиксации важных событий, чем летописание, высказал А.П. Толочко. По его мнению, довольно велики шансы, что древнейшие житийные произведения о Борисе и Глебе возникли раньше, чем древнейшая летопись¹⁰⁰. Напротив, С.М. Михеев считает, что в большинстве случаев (кроме «Памяти и похвалы» Иакова Мниха) известные нам агиографические памятники восходят к летописанию¹⁰¹.

Отдельно надо упомянуть гипотезу Н.И. Милютенко. По ее мнению, общим источником Древнейшего свода 1030-х годов и «Памяти и похвалы» Иакова Мниха было прижизненное сочинение («энкомий») о Владимире, доведенное до 995 г.¹⁰² Помимо прочих аргументов, исследовательница опирается на вывод А.В. Назаренко, согласно которому совпадения в характеристике Владимира в древнерусских и зарубежных источниках объясняются использованием одного и того же житийного предания, бытовавшего в первой половине XI в. в устной форме¹⁰³. Существование отдельного повествования о выборе Владимиром веры (возможно, созданного в конце X — начале XI в. в Болгарии) предполагает А. Тимберлейк¹⁰⁴. Все эти гипотезы, на мой взгляд, нуждаются в специальном обсуждении, причем особенное значение здесь имеет проблема происхождения сведений о Владимире в «Памяти и похвале»: нельзя исключать, что они восходят не пространному сочинению о Владимире, но к кратким историческим записям¹⁰⁵.

⁹⁹ См., например: *Насонов А.Н.* История. С. 22–27, 34, 46–47 (о древнейших записях Вышгорода о Борисе и Глебе и чудесах); *Турилов А.А.* Ольги житие // ДРСМ. С. 576; *Он же.* Сказание о варягах-мучениках // Там же. С. 741; *Он же.* Владимира князя жития // Там же. С. 138–139.

¹⁰⁰ *Tolochko O.P.* Christian Chronology. P. 223–224.

¹⁰¹ *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 161.

¹⁰² *Милютенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого. С. 168. Более подробно эта гипотеза разработана: *Она же.* Святой равноапостольный князь Владимир. С. 51–80, 93–103. Ср о возможности прижизненного текста о Владимире: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 315–317; *Насонов А.Н.* История. С. 27.

¹⁰³ *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 435–450.

¹⁰⁴ *Timberlake A.* Point of View and Conversion Narrative: Vita Constantini and Povest' vremennykh let // *Miscellanea Slavica*: Сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 269–270.

¹⁰⁵ См. примеч. 32–34, а также в разделе 3.

Краткие анналы и идея «двух истоков» летописания. Наряду с пространными повествованиями исследователи временами стараются увидеть у истоков русского летописания и краткие погодные записи. Как уже говорилось, с них начинали разговор многие из авторов XIX в. После работ А.А. Шахматова интерес к таким записям несколько угас. В трудах ученого летописание предстало в виде череды моментов масштабной и целенаправленной работы, а тому, что наряду с такими моментами существовала еще практика ведения записей из года в год, Шахматов и его последователи уделяли сравнительно мало внимания¹⁰⁶.

Тем не менее в ряде случаев ученые XX в. всё же предполагали наличие кратких записей у истоков русского летописания. Так, сам Шахматов, вслед за А.А. Куником, возводил целый ряд кратких известий в статьях ПВЛ за 1000–1093 гг. к «княжескому помяннику», который, в свою очередь, черпал информацию из надгробных надписей¹⁰⁷. Мысль о синодике-помяннике, только не обязательно «княжеском», поддержал А.В. Назаренко, который склонен возводить к нему некоторые *дневные* даты за вторую половину X в., сохранившиеся в источниках (дату смерти Ольги, убийства варягов-мучеников, смерти Ярополка)¹⁰⁸. Существование столь раннего помянника вполне возможно, однако когда речь идет о *годовых*, а не о *дневных* датах (как в случае с известиями о смертях начала XI в. и позже). Н.И. Милютенко предполагает, что источник этих известий — серия надписей-граффити¹⁰⁹, но эту мысль следует отвергнуть по той же причине: большинство известных поминальных граффити содержат дневные, но не годовые даты¹¹⁰. Логичнее считать источником этих известий ПВЛ не помянник и не граффити, а краткую летопись (анналы), как это делают А.Н. Насонов и А.А. Гиппиус¹¹¹.

М.Х. Алешковский предложил «типологическую методику» исследования ПВЛ, суть которой состоит в том, чтобы выявить в составе этой летописи пласты, возникшие разными *способами* — в результате ретроспективного описания событий за многие годы

¹⁰⁶ Ср., однако: Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 139, 348–352.

¹⁰⁷ Там же. С. 123–124; ПВЛ 1996. С. 468.

¹⁰⁸ Назаренко А.В. Древняя Русь. С. 378–379.

¹⁰⁹ Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир. С. 79.

¹¹⁰ Бубнова М.М. Проблема классификации древнерусских граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // ИИ. 2012. Вып. 5. С. 89–90.

¹¹¹ Насонов А.Н. История. С. 51–52; Гиппиус А.А. У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 30. См. также ниже.

или же в форме погодных записей, ведшихся из года в год. Отдавая должное мощному «ретроспективному» пласту в ПВЛ (Алешковский считал его весь возникшим под пером автора «Начальной летописи» около 1067 г.), ученый констатировал, что с 1060-х годов в ПВЛ начинают регулярно встречаться дневные даты событий¹¹², а с 1090-х — не только дневные, но и часовые. Согласно Алешковскому, в 1060-х годах погодную летопись начали вести в окружении князя Всеволода Ярославича, а с начала 1090-х годов — в Киево-Печерском монастыре. При этом в 1060-х годах погодная летопись и непогодная «Начальная летопись» возникли независимо друг от друга, в окружении двух разных князей; объединены эти две традиции были только в киево-печерском своде 1091 г.¹¹³

А.А. Гиппиус справедливо, на мой взгляд, видит в серии кратких известий ПВЛ за 1000–1011 гг. (главным образом о смертях членов княжеской семьи) остаток кратких анналов, ведшихся при Десятиной церкви в начале XI в.¹¹⁴ Таким образом, Гиппиус, как и Алешковский, полагает, что у начального киевского летописания было два истока — пространное непогодное сказание (вне зависимости от того, каким временем его датировать) и краткие анналы¹¹⁵. В нашей с А.А. Гиппиусом совместной статье 2005 г. этот взгляд был дополнен соображениями сравнительно-исторического порядка. В частности, мы писали о том, что, возможно, продолжение Древнейшего сказания краткими записями напоминает то, как аналогичными записями была продолжена «Церковная история народа англов» Беды Достопочтенного¹¹⁶.

О том, что в Киеве на протяжении XI в. велись краткие анналы, пишет также А.П. Толочко: как он справедливо считает, иначе

¹¹² Об этом еще раньше писали: *Шахматов А.А.* История. Т. 1, кн. 1. С. 291–292; *Лихачёв Д.С.* Русские летописи. С. 84–85.

¹¹³ *Алешковский М.Х.* К типологии.

¹¹⁴ *Гиппиус А.А.* У истоков. С. 30. Ср. мнение К. Цукермана: «Сводчик, несомненно, нашел эти сведения в виде подборки, возможно в приписке к богослужебной книге» (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 197).

¹¹⁵ *Гиппиус А.А.* У истоков. С. 25–43; *Он же.* До и после Начального свода. С. 49–50. Ср. также: *Lowmiański H.* [Rec.] // *Przegląd Historyczny.* Warszawa, 1948. Т. 38. S. 284. — Rec. на ks.: *Лихачёв.* Русские летописи.

¹¹⁶ *Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // *Жанры и формы в письменной культуре средневековья.* М., 2005. С. 184–192. Ср. также уже цитированную мысль о том, что краткая статья 6525 (1017) г. Син. — это анналистическая приписка к Древнейшему сказанию (*Цукерман К.* Наблюдения. С. 228–229; *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? С. 122).

невозможно было бы объяснить наличие в тексте ПВЛ ряда точных датировок или таких фрагментов, как уже упомянутые статьи 1000–1011 гг.¹¹⁷ На основании исторических аналогий А.П. Толочко возвращается к идее ученых XIX в. о том, что краткие анналы могли впервые возникнуть в виде записей на пасхалиях¹¹⁸. Однако, в отличие от Алешковского и Гиппиуса, Толочко не считает правильной (и даже не комментирует) гипотезу о «двух истоках» летописания — нарративном и анналистическом. Напротив, по мнению ученого, наличие в ПВЛ таких сугубо «анналистических» фрагментов, как статьи 1000–1011 гг., доказывает, что ПВЛ не возникла путем разделения связного повествования на погодные статьи¹¹⁹. Между тем, на мой взгляд, именно идея «двух истоков» способна объяснить сосуществование в тексте ПВЛ с одной стороны, таких «анналистических» фрагментов, а с другой (особенно в тексте за X в.) — основанных на устной традиции повествований, для которых погодная сетка явно является «инородным телом»¹²⁰.

Также не раз отмечалось, что погодные записи уже в XI в. велись в Новгороде. Так, по мысли А.А. Шахматова, к новгородскому своду 1050 г. было сделано несколько анналистических приписок¹²¹. Д.С. Лихачёв полагал, что, если в Киеве летопись родилась из «сложных повествований о прошлом, к которым присоединились летописные записи», то в Новгороде, напротив, оно возникло «из постепенно накапливавшихся летописных записей, во главе которых было затем поставлено стройное повествование о начале Русской земли, перенесенное из Киева...»¹²². Летописные записи, по мнению Лихачёва, стали вестись в Новгороде уже с 1015 г.¹²³ А. Поппэ считал, что в Новгороде с 1050-х годов велись «анналистические записи (*zapiski rocznikarskie*)», а с 1108 г. — «регулярные анналы (*regularny rocznik*)»¹²⁴. С.М. Михеев считает, что крат-

¹¹⁷ Tolochko O.P. Christian Chronology. P. 207, 214–217, 227.

¹¹⁸ Ibid. P. 216–219.

¹¹⁹ Ibid. P. 216.

¹²⁰ Отрицая существование Древнейшего сказания, А.П. Толочко опирается и на ображения общего свойства (Ibid. P. 213) — об этом см. в разделе 3.

¹²¹ Шахматов А.А. История. Т. 1, кн. 1. С. 348–350.

¹²² Лихачёв Д.С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952. С. 158.

¹²³ Там же. С. 164–165.

¹²⁴ Poppe A., Jakubowski W. Latopisarstwo Nowgorodu Wielkiego // SSS. 1967. Т. 1. S. 27. Ср.: Толочко П.П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 179.

кие записи в Новгороде стали делаться с 1070-х годов¹²⁵. На мой взгляд, вне всякого сомнения краткими анналистическими записями, делавшимися при новгородском Софийском соборе, являются шесть известий Син. о Новгороде за 1045–1079 гг., не находящих себе соответствия в ПВЛ. Первое из этих известий касается постройки каменного Софийского собора, кем-то из клириков которого записи, очевидно, и велись. Эти записи, скорее всего, представляли собой первый опыт историописания в Новгороде¹²⁶.

Большое значение для вопроса о кратких анналах имеет публикуемая в настоящем томе статья А.В. Назаренко. Ученый убедительно показывает, что целый ряд известий ПВЛ за конец X — первую половину XI в., как следует из сравнения с зарубежными источниками, хронологически точен. Даты этих событий не могли, следовательно, быть плодом реконструкций или фантазий более поздних сводчиков — они, несомненно, восходят к записям современников. Наиболее вероятно, что такие записи представляли собой краткие анналы, ведшиеся в Киеве на протяжении первой половины XI в.

Некоторые соображения в пользу ведения в XI в. в Киеве кратких анналов были высказаны и мной — при анализе текста Син. за XI в.¹²⁷ Сама форма текста Син. за XI в. (краткие известия в противоположность пространным рассказам ПВЛ) наводит на мысль, что перед нами не (или, скорее, не только) выписки из киевской Начальной летописи, но и подлинные анналистические записи¹²⁸. С некоторой долей гипотетичности можно предполагать, что многие из известий Син. за первую половину XI в. суть не что иное, как киевские краткие анналы, попавшие в Новгород в середине этого столетия (вместе с какой-то книгой для новопостроенного Софийского собора) и здесь продолженные местными записями¹²⁹. Правда, эту гипотезу ослабляет то, что из семи отмеченных А.В. Назаренко хронологически точных известий ПВЛ за

¹²⁵ Михеев С.М. Кто писал Повесть временных лет? С. 129–135.

¹²⁶ Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 634–636, 685–687.

¹²⁷ Хотя формально моя статья была опубликована раньше работы А.В. Назаренко, в действительности я был уже в курсе его выводов, озвученных им в ряде устных выступлений.

¹²⁸ Мысль о первичности кратких известий Син. по сравнению с пространными рассказами ПВЛ высказывал и В.Ю. Аристов (ссылаюсь на его доклад на круглом столе журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» 15 января 2010 г.).

¹²⁹ Гимон Т.В. События XI — начала XII в. С. 634–640.

1017–1043 гг.¹³⁰ в Син. попали лишь четыре (под 1017, 1020, 1028 и 1043 гг.). Однако ниоткуда не следует, что новгородский сводчик должен был обязательно полностью воспроизвести текст киевских анналов — в любом случае его труд представляет собой выборку — да и состав самих анналов (как это часто бывает) мог варьировать в разных списках.

Как бы то ни было, скорее всего, краткие анналы велись в Киеве на всем протяжении первой половины XI в., а в Новгороде — с середины XI в. Они могли представлять собой приписки к Древнейшему сказанию, но могли быть и независимой от него формой исторических записей (например, на свободных листах какой-либо богослужебной книги или на полях пасхалии). В статье А.В. Назаренко приводится соображение в пользу независимости друг от друга Древнейшего сказания и анналов: продолжением первого выступили не вторые, но «повесть о Ярославле», в жанровом отношении подобная Древнейшему сказанию.

Краткие неанналистические записи. С.В. Бахрушин предположил, что летописанию в собственном смысле слова могли предшествовать краткие тексты, не имевшие годовых дат, однако дававшие обзор тех или иных групп событий. След одного из подобных текстов ученый усматривал в перечислении походов Владимира в «Памяти и похвале» Иакова Мниха, а также в известиях ПВЛ о походах Владимира за конец X в., след другого — в перечнях-обзорах новгородских князей и епископов XI в.¹³¹ Хотя ученым эти выводы были сформулированы чрезвычайно кратко, они заслуживают всяческого внимания. Собранные в настоящем томе сравнительно-исторические данные говорят о том, что оба эти предполагаемых типа записей — и перечень походов, и перечень правителей — находят себе аналогии среди ранних форм историописания у разных народов (см. чуть ниже). А.Н. Насонов также писал о том, что обзор правления Владимира в «Памяти и похвале» Иакова Мниха представляет собой не выписки из Древнейшего свода или какого-либо еще пространный памятник, но образец ранних исторических записей, созданных при Десятинной церкви¹³².

Русское историописание как дополнение к переводному. В.М. Истрин, хотя и считал — вполне в духе ученых XIX в., —

¹³⁰ Текст за более раннее время отсутствует в Син.

¹³¹ Бахрушин С.В. [К вопросу.] С. 18–20.

¹³² Насонов А.Н. История. С. 27–32.

что у истоков летописания на Руси стояли краткие «записи» и отдельные «сказания церковного характера»¹³³, в дальнейшем предложил такую теорию. Вначале были переведены с греческого хроники Георгия Амартола и Георгия Синкелла, затем на их основе был составлен хронограф, затем в него стали включаться известия из русской истории и, наконец, вскоре после смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) появилась первая «Повесть временных лет», «оторвавшая» собственно русскую историю от византийской. Именно в этом памятнике, по мнению Истрина, впервые появились «пустые годы», возможно — под влиянием «пустых олимпиад» в хронике Синкелла¹³⁴. Таким образом, «самостоятельные переводы привели к самостоятельным компилятивным трудам, а последние привели к составлению своей национальной истории»¹³⁵, которая выступала как противовес «возможному высокомерному взгляду греческих наставников»¹³⁶.

А.П. Толочко указывает в связи с этим на интересную аналогию: в начале XIV в. в Болгарии был выполнен перевод греческой хроники Константина Манассии (XII в.). В этом переводе были сделаны многочисленные дополнения о событиях местной, болгарской истории, в рукописях или оформленные как глоссы, или выделенные красным. Эти дополнения, подобно некоторым известиям начальных статей ПВЛ, начинаются с указания на то, во времена какого византийского императора имело место то или иное событие. Впрочем, сам А.П. Толочко отмечает гипотетичность такого сценария зарождения на Руси историописания — за отсутствием реально сохранившихся текстов¹³⁷.

Идеи о летописных записях ранее конца X в. Как уже упоминалось, мысль о ведении погодных записей уже в X в. высказывалась в ряде работ XIX в.¹³⁸ Некоторые ученые обращали внимание на то, что в Никоновской летописи XVI в. имеется целый ряд известий о событиях IX в., отсутствующих в более ранних летописях,

¹³³ *Истрин В.М.* Замечания. Т. 26. С. 81.

¹³⁴ Там же. С. 84–88, 98–102.

¹³⁵ Там же. С. 88–89.

¹³⁶ Там же. С. 91.

¹³⁷ *Tolochko O.P.* Christian Chronology. P. 222–223. Отмечу англо-саксонскую параллель: одним из первых опытов письменного осмысления истории была «Большая хроника» Беда — труд по всемирной истории, однако со значительным числом сообщений о событиях истории местной (см. в моей статье, раздел 2).

¹³⁸ Из новых работ см.: *Толочко П.П.* Русские летописи. С. 10–30

и возводили их к подлинным записям IX в. (по Б.А. Рыбакову, «летописи Аскольда»)¹³⁹. Более вероятно, однако, что уникальные известия Никоновской летописи восходят к вполне известным хронографическим источникам. Имеется также немало свидетельств тому, что создатели этого памятника, работавшие при митрополитом дворе в 1520-х годах, могли сочинять известия о древних событиях, руководствуясь при этом различными актуальными на момент их работы соображениями¹⁴⁰. Господствующей в науке (и, на мой взгляд, совершенно справедливо) является точка зрения, согласно которой никаких летописных записей ранее конца X в. на Руси не было. Древнейшей летописной датой, которая выдерживает проверку независимыми источниками (разумеется, если не считать дат, взятых летописцами из византийских хроник и договоров с Византией), является год смерти Ольги, 6477 (969) г.¹⁴¹ Эта дата не настолько отстоит от конца X в., чтобы предполагать для нее особый памятник историописания¹⁴². И наоборот, немало дат за IX–X вв. оказываются на поверку неточными, что говорит об отсутствии в руках более поздних летописцев русских письменных источников этого времени¹⁴³.

ПВЛ как первое развернутое сочинение по истории Руси. Этот взгляд представлен недавними работами Т.Л. Вилкул, А.П. Толочко и В.Ю. Аристова. Т.Л. Вилкул, во-первых, полемизирует с гипотезой о Начальном своде — отправной точкой почти всех ре-

¹³⁹ *Забелин И.Е.* История. С. 474–476; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 160–173 (Рыбаков считает, что летописные записи велись в Киеве и на протяжении всего X в. — см.: Там же. С. 173–192, особенно с. 190); *Толочко П.П.* Русские летописи. С. 10–13.

¹⁴⁰ См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 186–189; *Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // *Славяноведение*. 1992. № 2. С. 54–59; *Лурье Я.С.* История России в летописании и в восприятии Нового времени // *Лурье Я.С.* Россия древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 66–68. О «ранних» известиях в исторических сочинениях XVI в. см.: *Усачёв А.С.* «Насыщенные событиями» первых веков истории Древнерусского государства в исторических сочинениях XVI в. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 286–292.

¹⁴¹ См. в статье А.В. Назаренко.

¹⁴² Дата может происходить из помянника (но мог ли в нем быть указан год, а не только день смерти?) (ср. примеч. 107–111), из отдельной поминальной записи на книге, стене или месте захоронения (ср. надпись в Софийском соборе о смерти Ярослава Мудрого — см. в статье М.М. Дробышевой), но могла и сохраняться в церковной или придворной традиции до момента появления в конце X или начале XI в. Древнейшего сказания или начала ведения кратких анналов.

¹⁴³ *Бахрушин С.В.* [К вопросу.] С. 16–18.

конструкций А.А. Шахматова и его последователей, и, во-вторых, обосновывает мысль о том, что все заимствования из византийских источников, обнаруживаемые в Начальной летописи, сделаны одной рукой — рукой создателя ПВЛ¹⁴⁴. Исследовательница считает ПВЛ «Начальной летописью» в буквальном смысле, хотя не исключает возможности существования более ранних исторических записей¹⁴⁵. Если в центре внимания Т.Л. Вилкул стоят конкретные вопросы летописной текстологии, то в работах А.П. Толочко и В.Ю. Аристов критикуется возможность «расслоения» ПВЛ как таковая. Исследователи предлагают рассматривать ее как авторскую, единовременно составленную «хронику» начала XII в. При этом они допускают существование ранних исторических записей (кратких анналов XI — начала XII в. и т.п.), а также не исключают, что работа автора ПВЛ заняла длительное время и состояла из нескольких этапов¹⁴⁶. На мой взгляд, при всех остроумных замечаниях, взгляд А.П. Толочко и В.Ю. Аристов не убедителен: они, выразив в общем виде скепсис по отношению к трудам А.А. Шахматова и его последователей, не предложили детального разбора всех тех наблюдений, на которых базируется мнение о постепенном сложении ПВЛ. А таких наблюдений очень много — помимо сопоставления ПВЛ и Н1мл. (здесь скептики отсылают к трудам ученых, спорящих с шахматовской гипотезой о Начальном своде, прежде всего к работам Т.Л. Вилкул), это и следы погодной разбивки изначально связного текста, и обороты типа «и до сего дня» (указывающие на 1060–1070-е годы, а может быть, и на более раннее время¹⁴⁷), и лингвистическая гетерогенность текста, и др. Поэтому идея о ПВЛ как о единовременной, авторской «хронике», которой предшествовали лишь краткие исторические записи,

¹⁴⁴ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 6–7, 100–239. См. также статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

¹⁴⁵ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 7. Ср. также ее мысль о том, что в Син. мог быть «использован Святополчий свод, предшествовавший ПВЛ» (Вилкул Т.Л. «И седе... Кыеве» (К характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // ВЕДС-ХV: Автор и его текст. М., 2003. С. 39).

¹⁴⁶ Толочко А.П. Перечитывая приписку Сильвестра; Tolochko O.P. Christian Chronology. P. 205; Аристов В.Ю. Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. № 1. С. 105–111, 114–117.

¹⁴⁷ См.: Каргер М.К. К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Вып. 11. С. 59–71.

правдоподобная в свете сравнительно-исторических данных¹⁴⁸ (ср. ситуацию в Польше и Чехии, где хроникам начала XII в. предшествовали краткие анналы¹⁴⁹), тем не менее вряд ли состоятельна в свете изучения самой ПВЛ¹⁵⁰.

3. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Начну с более или менее очевидного. Памятники раннего русского историописания, при всем их своеобразии¹⁵¹, находят себе многочисленные сравнительно-исторические параллели. Так, наиболее близкую аналогию ПВЛ (в ее «классическом» виде) составляет чешская латиноязычная хроника Козьмы Пражского (доведена до 1125 г.) — тоже построенная по анналистическому принципу, с «пустыми годами», но тоже, несмотря на это, дающая связное и литературное изложение истории своего государства¹⁵². Русское летописание в целом, как жанр, находит себе аналогию во всех анналистических традициях мира¹⁵³, однако наиболее близкую, как кажется, в Англо-Саксонской хронике. Последняя, как и русское

¹⁴⁸ К сравнительным аргументам А.П. Толочко я вернусь чуть ниже.

¹⁴⁹ См. в статьях А.В. Назаренко и А.С. Щавелева.

¹⁵⁰ Совсем недавно, в 2015 г., появилась новая книга: *Толочко А.П. Очерки начальной Руси*. Киев; СПб., 2015. В ней автор продолжает и развивает свои мысли относительно того, что у ПВЛ не было сводов-предшественников, а ее создатель довольно произвольно конструировал прошлое. В рамках настоящей статьи дать развернутый отклик на эту книгу уже невозможно, но я надеюсь сделать это в самое ближайшее время в отдельной публикации.

¹⁵¹ Традиционно древнерусское историописание сопоставляется в первую очередь с византийским, что неизбежно приводит к выводу об оригинальности первого (см., например: *Likhachev D.S. Byzantium and the Emergence of an Independent Russian Literature // Literature and Western Civilization. The Medieval World*. L., 1973. P. 181). Однако, несмотря на важность византийского влияния, аналогии русскими летописям можно и нужно искать не только в Византии (ср., например: *Гунтус А.А. Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века — раннее Новое время: Сб. тез. 16 конф. памяти В.Д. Королюка*. М., 1997. С. 24–27; *Tolochko O.P. Christian Chronology*. P. 208–209). И наоборот: *типологическое* сопоставление древнерусского историописания с византийским вряд ли корректно, поскольку в Византии уже существовала многовековая и весьма развитая историографическая традиция.

¹⁵² См.: *Козьма Пражский. Чешская хроника / Вступит. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука*. М., 1962. См. также в статьях А.В. Назаренко и А.С. Щавелева в настоящем томе.

¹⁵³ Те или иные формы погодного изложения событий существовали у очень многих народов — см. в предисловии и большинстве статей настоящего тома.

летописание, представляет собой совокупность родственных анналистических текстов, отражающих разветвленную традицию, для которой характерно сосуществование «пустых лет», кратких погодных записей, развернутых нарративов, а иногда и текстов, казалось бы чуждых анналам в жанровом отношении (поэтических, документальных и т.д.)¹⁵⁴. Древнерусские хронографы — вещь довольно своеобразная, однако в какой-то степени они могут быть сопоставлены с любыми всемирно-историческими компиляциями, каковых, например, довольно много породило западноевропейское Средневековье¹⁵⁵. Перечни правителей встречаются практически повсеместно. Сравнительные аналогии могут быть найдены и другим «малым формам» историописания.

Однако здесь нас интересует вопрос о том, как зародилось древнерусское историописание и как выглядели его древнейшие формы. На этот вопрос сравнительные данные однозначного ответа дать не способны, однако могут предоставить важный материал к размышлению.

Простая интуиция как будто подсказывает, что, если историописание развивалось «с нуля», оно должно было постепенно из кратких и «примитивных» записей «дорости» до пространных и концептуальных повествований. Именно так, как говорилось выше, представляли себе зачатки русского летописания многие из историков XIX в.; из этого же как из аксиомы исходит в уже цитированной выше работе А.П. Толочко. Он полагает, что нарративное, сюжетное историческое сочинение не могло появиться «с нуля» в обществе, где письменная культура делала только свои первые шаги. Наоборот, появление такого текста должно было стать итогом длинного пути развития, отражением определенного уровня сложности литературы. Помочь первым историописателям могли бы иностранные образцы, однако, как считает Толочко, им не были доступны тексты на греческом или латинском языках, а переводы византийских хроник были использованы позже, уже когда летописный жанр на Руси сложился. Как считает ученый, первые опыты историописания на Руси были лапидарными, и лишь со временем они развились в пространный текст, в котором были использованы и иностранные источники, —

¹⁵⁴ См.: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 96–170, 497–536 и др. (а также коротко в моей статье в этом томе).

¹⁵⁵ *Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. С. 24–25.

ПВЛ начала XII в.¹⁵⁶ Насколько справедлив такой взгляд? Действительно ли у истоков русского историописания должны были стоять исключительно краткие тексты?

Именно так дело обстояло в тех странах, где письменность развивалась спонтанно, постепенно, а не под влиянием соседних, уже письменных культур, — в Месопотамии, Египте, Китае. При этом от момента возникновения первых записей о событиях до появления сколько-нибудь развернутых и систематических памятников историописания могли пройти столетия, а иногда и тысячелетия. Так, в Шумере в середине III тыс. до н.э. появились царские надписи, в которых указывались достижения конкретного царя; в конце III тыс. до н.э. был создан «Шумерский царский список» — текст не слишком пространный, однако систематически излагавший всю историю «от начала»¹⁵⁷; даже «царские анналы» и «хроники» Ассирии первой половины I тыс. до н.э.¹⁵⁸ — это еще не историографические нарративы, подобные античным или средневековым. В Древнем Египте историописание было представлено исключительно «малыми формами» вплоть до эллинистического времени, т.е. на протяжении более чем двух с половиной тысяч лет¹⁵⁹. В Китае краткие записи о событиях, связанные с культовыми потребностями, списки правителей и другие «малые формы» возникли раньше, чем «анналы», «анналы» — раньше, чем «хроники», а последние, в свою очередь, появились на несколько сот лет раньше, чем «Исторические записки» Сыма Цяня¹⁶⁰.

В этих культурах Древности эволюция историописания, в общем, шла по направлению от записи *текущих* событий (часто связанной с культовыми потребностями) к *ретроспективному обзору* исторических событий за длительный период (в большей степени имевшему политическое значение). В чистом виде этот переход описан в статье М.Ю. Ульянова: от «анналов» на бамбуковых планках и других материалах, записи в которых делались в ходе ритуала непосредственно после того или иного события, к их ретроспективным сводам-переработкам — «хроникам» (и далее к еще более разверну-

¹⁵⁶ Tolochko O.P. Christian Chronology. P. 213–215, ср. также p. 221.

¹⁵⁷ См. в предисловии и: Michalowski P. Early Mesopotamia // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.

¹⁵⁸ См. статью А.А. Красовой.

¹⁵⁹ См. статью А.А. Банщиковой и: Baines J. Ancient Egypt // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 53–75.

¹⁶⁰ См. статью М.Ю. Ульянова.

тым текстам). Примерно то же можно увидеть в Месопотамии (от votивных надписей к царским спискам, росписям лет или «царским анналам», т.е. обзору событий за всё правление царя). По аналогии с этими процессами логично и для Руси представить себе такую картину: от летописи как текущих *погодных записей* (или кратких анналов) к ретроспективному *летописному своду*.

Однако Древняя Русь относится к культурам другого типа: письменная традиция здесь сформировалась под влиянием извне и развивалась достаточно стремительно. Если для большей части X в. данных о письменных практиках у нас практически нет, то уже в конце X — начале XI в. (т.е. сразу после крещения) здесь появляются школы, богослужебные книги (ср. Новгородскую псалтырь — навощенные таблички рубежа X–XI вв. с текстом псалмов), монеты и печати с надписями, возможно — некоторые юридические тексты и др. Спустя полстолетия, в середине XI в., мы видим уже сложившуюся традицию книгописания, целый ряд оригинальных литературных сочинений, законы, берестяные письма и деловые документы, а также многочисленные надписи-граффити¹⁶¹. Отсюда очевидно, что и историографическая традиция могла сформироваться на Руси достаточно быстро и не обязательно должна была проходить те же этапы, что и в классических письменных культурах Древности.

Очевидно, что Русь следует скорее сопоставлять не с этими древними культурами, но с теми из государств на периферии средневековой Европы, которые возникли не на остатках Римской империи, но в стороне от нее (или же, как англо-саксонские королевства, на территории, входившей ранее в империю, но без прямой культурной преемственности). В англо-саксонских королевствах, Польше, Чехии или Венгрии, отчасти — в Скандинавии¹⁶², как и на Руси,

¹⁶¹ См.: *Gippius A.* Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // *Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North.* Turnhout, 2012. P. 225–236.

¹⁶² В Скандинавии на протяжении ряда столетий, предшествовавших христианизации, известно руническое письмо. Сфера его применения была ограниченной, однако некоторые рунические надписи начиная с IV–V вв., фиксирующие значимые события, могут рассматриваться в качестве ранней формы историописания (см.: *Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // *Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени.* М., 2006. С. 182–208). У англо-саксов руническое письмо тоже использовалось еще до христианизации, однако надписей сохранилось совсем мало и они не имеют ничего общего с историописанием (см. примеч. 2 к моей статье в настоящем томе).

письменная культура была в основном заимствована извне — вместе с христианством и церковными институтами.

Во многих из этих стран достаточно рано появляются пространные нарративы, в которых история молодого государства сознательно вписывается в историю мира и христианства. При этом в разной пропорции могут сочетаться, с одной стороны, христианские мотивы и история местной церкви, а с другой — династическая история, уходящая корнями в языческие времена и основанная на дохристианской устной традиции. Если в «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного главным образом речь идет о становлении церкви и местных подвижниках, о королях рассказывается меньше, а о королях языческого времени — совсем мало (хотя и этот пласт у Беды представлен), то польская хроника Галла Анонима и чешская хроника Козьмы Пражского в большей степени посвящены политической истории (и в этом смысле ближе к русской Начальной летописи). К сравнению, конечно же, могут быть привлечены и другие «варварские истории» — возникавшие в новых государствах, появившихся на развалинах Римской империи (сочинения Иордана, Григория Турского, Павла Диакона и др.), однако там имело место более сложное переплетение культурных влияний и историографических традиций¹⁶³. В странах Скандинавии (уже после христианизации, с XII в.) появляются развернутые исторические нарративы, отражающие в разных пропорциях европейские влияния и местную устную традицию; при этом, как показывает Е.А. Мельникова¹⁶⁴, для многих из них структурообразующей оказывается генеалогия, т.е. историческая традиция, восходящая к дохристианскому времени. Из рассмотренных в настоящем томе европейских стран только в Ирландии появлению связанных исторических нарративов предшествовали столетия существования одних только кратких форм историописания — генеалогий, анналов, исторических поэм и др., — однако Ирландия представляет уж слишком особый случай в плане как политической, так и культурной истории.

Авторами первых пространных повествований об истории молодого государства могли выступать как уроженцы этой страны

¹⁶³ См. отсылки к важнейшим работам: *Гимон Т.В.* Историописание. С. 18–19, примеч. 36–37; 210, примеч. 314. Попытку сопоставить ПВЛ/Древнейшее сказание и сочинение Беды Достопочтенного см.: Там же. С. 210–216. Ср. возражение в статье А.С. Щавелева, примеч. 44.

¹⁶⁴ См. ее статью в настоящем томе.

(Беда, Козьма Пражский [?], Сэмунд Мудрый, Ари Мудрый, Свен Агессен — причем Козьма, Сэмунд, Свен получили образование за границей), так и иностранцы (Галл Аноним). Эти тексты могут составляться как на латыни (т.е. языке обширной историографической традиции — Беда, Галл Аноним, Сэмунд Мудрый, Свен Агессен), так и на языке своей страны (Ари Мудрый и другие ранние скандинавские историописатели). На мой взгляд, и происхождение автора, и язык сочинения — признаки важные, но в данном случае не принципиальные. Пожалуй, только в Скандинавии первым историкам можно было выбирать, на каком языке составлять свой труд. В большинстве же упомянутых стран единственной опцией была латынь¹⁶⁵, на Руси — церковнославянский язык. Важнее сама потребность элиты (и не в последнюю очередь церкви) молодого государства зафиксировать на письме историю его становления и его место в мировой истории. При этом, естественным образом, для первого основным источником становится устная традиция, а для второго — заимствованные тексты.

Древнейшее сказание вполне вписывается в этот ряд текстов (причем речь идет именно о Древнейшем сказании как о связанном повествовании, а не о ПВЛ, вероятно, представляющей собой результат синтеза этого сказания и анналистической традиции¹⁶⁶). Автором Древнейшего сказания, несомненно, был уроженец Руси¹⁶⁷ — иное оставило бы какие-то следы в языке ПВЛ. Но «куратором» этого сочинения мог быть, как предполагает А.С. Щавелев (по аналогии с Галлом Анонимом), грек или прошедший «византийскую школу» болгарин¹⁶⁸. Возможность такого «кураторства», на мой взгляд, полностью снимает сомнение А.П. Толочко, касаю-

¹⁶⁵ В ранних англо-саксонских королевствах письмо на древнеанглийском языке существовало, но почти еще не заходило в сферу церковной книжности и литературы (что произошло позже, в конце IX в. — см. в моей статье в настоящем томе).

¹⁶⁶ А.А. Гиппиус отмечает, что сочинения Козьмы Пражского и Галла Анонима «не обнаруживают в повествовании о языческих временах той композиционной сложности и литературной гетерогенности, которая свойственна ПВЛ и которая как раз и заставляет предполагать постепенность складывания ее нарративной составляющей» (*Гиппиус А.А. До и после Начального свода. С. 50, примеч. 15*).

¹⁶⁷ Ср. определение Н.И. Милютенко автора Древнейшего свода как представителя первого поколения духовенства, обученного в основанной Владимиром школе детей «нарочитой чади» (*Милютенко Н.И. Летописание Ярослава Мудрого. С. 167*).

¹⁶⁸ См. статью А.С. Щавелева в настоящем томе.

щееся отсутствия у гипотетического автора Древнейшего сказания доступа к богатой историографической традиции.

Однако остается всё же сомнение хронологического свойства. В Нортумбрии, Польше, Чехии, Дании, Норвегии и Исландии между христианизацией и созданием первых известных нам пространственных памятников историописания проходило не менее 100 лет. Сравнительно-типологические данные, таким образом, подкрепляют гипотезу о Древнейшем сказании, однако склоняют в пользу его более поздней, нежели эпоха Владимира, датировки¹⁶⁹. Впрочем, вопрос этот должен решаться в первую очередь на основании данных анализа самого текста.

Между прочим, Древнейшее сказание находит себе еще одну неожиданную типологическую параллель — в Армении. Здесь во второй половине V в. н.э. создается развернутый нарратив о национальной истории — «Бузандаран». Его автор(ы) пользовались некоторыми иностранными историческими сочинениями, однако главным образом зафиксировали на письме эпическую устную историю своей страны. Этот памятник посвящен в основном политической истории (тогда как история церкви в нем представлена отдельными сказаниями) и не имеет хронологической сетки. «Авторы (редакторы)... пользовались армянским переводом Библии и писали на армянском языке, насыщенном живой, народной речью, простонародными выражениями и идиомами» (см. в статье В.А. Арутюновой-Фиданян). Похожими характеристиками, по-видимому, обладало и киевское Древнейшее сказание. «Бузандаран» был создан довольно скоро после изобретения армянского алфавита (начало V в.) и появления литературы на национальном языке. (Однако надо оговориться, что Армения была христианизирована еще в начале IV в., а письменная культура, использовавшая другие языки и системы письма, существовала здесь еще раньше.)

Сопоставление с иностранным материалом показывает и другое. У истоков историописания, как правило, находятся не только обширные тексты, но и какие-либо краткие формы историописания, выполняющие несколько другие функции. Прежде всего речь идет о кратких погодных записях — анналах. Так, краткая анналистика

¹⁶⁹ А.А. Гиппиус, настаивающий на создании Древнейшего сказания при Владимире, указывает на ряд других достижений письменной культуры в это время (*Gimnius A.A. Рекоша дружина*. Р. 177, примеч. 33). Разумеется, ни это, ни, наоборот, основанный на сравнительно-исторических данных хронологический скепсис не могут быть решающими аргументами.

стояла у истоков историописания в Польше и Чехии¹⁷⁰. В Нортумбрии (см. мою статью) краткие анналы *возможно* предшествовали труду Беда Достопочтенного и *несомненно* сопровождали его появление и последующее распространение в рукописях (Беда поместил в конце своей «Церковной истории» краткий перечень событий с датами — «анналы», которые затем получали различные продолжения).

Ведение кратких анналов в Киеве в первой половине XI в. в свете аргументов А.В. Назаренко представляется несомненным. Решение вопроса об их соотношении с Древнейшим сказанием зависит от датировки последнего, каковая, на мой взгляд, пока проблематична. Анналы могли быть отдельной традицией (как предполагает А.В. Назаренко), но могли и возникнуть как серия приписок к Древнейшему сказанию (подобно «анналам» — продолжениям «Церковной истории» Беда). Второе, однако, возможно только в том случае, если мы датируем само Древнейшее сказание эпохой Владимира.

Еще одной весьма ранней формой историописания у многих народов оказываются перечни правителей. Так, в Нортумбрии уже до Беда существовали списки королей с указанием продолжительности их правления, причем перечни эти имели до какой-то степени официальный характер, коль скоро *принималось решение* об исключении из них королей-вероотступников. На примере ряда неевропейских обществ (Шумер, Египет и др.) мы видим, что перечни правителей — одна из наиболее ранних форм историописания, хотя и не обязательно самая ранняя. Иногда ранние перечни носят характер обзоров, содержащих краткие сведения о каждом правителе (например, надпись на китайском сосуде X в. до н.э.¹⁷¹ или «Перечень Инглингов»¹⁷²).

Для Руси, как уже было сказано, есть основания говорить о появлении перечней князей и епископов в Новгороде в конце XI в., причем наиболее древний пласт в этих текстах как раз и имеет характер таких обзоров¹⁷³. Данных о киевских перечнях у нас нет. Хронологический расчет, приводимый в ПВЛ под 6362 (854) г. и являющийся в какой-то мере перечнем князей, основан на датах самой ПВЛ

¹⁷⁰ См. в статьях А.В. Назаренко и А.С. Щавелева.

¹⁷¹ См. примеч. 31 к статье М.Ю. Ульянова.

¹⁷² См. статью Е.А. Мельниковой.

¹⁷³ См. примеч. 36.

(т.е. составлен уже в начале XII в.), хотя, по мнению А.В. Назаренко, из общего ряда выбиваются указания на продолжительность правлений Ярополка и Владимира Святославичей, имеющие более древнее происхождение¹⁷⁴. В любом случае этого недостаточно, чтобы говорить о ранних киевских перечнях князей. Сама последовательность князей-Рюриковичей, конечно же, присутствовала в исторической памяти, но, вполне вероятно, лишь в устной форме¹⁷⁵. Эта традиция могла сохранять и сведения о продолжительности правлений, но определенно говорить об этом трудно.

Я уже ссылался выше на мысль С.В. Бахрушина и А.Н. Насонова о том, что одним из самых ранних образцов историописания на Руси мог быть перечень деяний Владимира Святого, отразившийся в «Памяти и похвале» Иакова Мниха¹⁷⁶. К перечислению военных походов, а также строительных предприятий, сводятся многие из статей ПВЛ за время правления Владимира и Ярослава (статьи 981–985, 989–996, 1030–1032, 1038–1043 гг.). Некоторую аналогию перечню Иакова Мниха составляет перечисление военных и охотничьих достижений Владимира Мономаха, входящее в состав его «Поучения»¹⁷⁷. «Автобиография» Мономаха отличается от текста Иакова Мниха — в ней не приводятся годы, изложение ведется от первого, а не от третьего лица, — но, тем не менее, в обоих случаях перед нами перечисление военных предприятий конкретного правителя.

Перечисление достижений правителя — характерная для многих народов архаическая форма историописания. Например, обзоры военных и строительных достижений характерны для шумерских царских надписей¹⁷⁸. Чрезвычайного развития достиг этот жанр в Ассирии, где так называемые анналы представляли собой развернутое описание деяний царя, составленное от первого лица¹⁷⁹ (с которыми, кстати, «автобиография» Мономаха уже сопо-

¹⁷⁴ См. примеч. 139 к его статье в настоящем томе.

¹⁷⁵ См. сопоставление характеристик ранних правителей в ПВЛ и «Саге об Инглингах» Снорри Стурлусона, восходящих к устной традиции: Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.

¹⁷⁶ См. примеч. 34.

¹⁷⁷ См. примеч. 41.

¹⁷⁸ Cooper J.S. Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986. P. 8–11.

¹⁷⁹ См. в статье А.А. Красовой.

ставлялась¹⁸⁰). Схожим было содержание надписей древнетюркских правителей¹⁸¹. Надписи о деяниях царя существовали в Китае и Мезоамерике¹⁸². Поэтому кажется возможным, что и на Руси в конце X — XI в. могли появиться подобные росписи походов и других деяний (Владимира, Ярослава и т.д.). Они, конечно, могли составлять часть кратких анналов (наряду с известиями о смертях и др. событиях), однако не исключено, что «Память и похвала» Иакова Мниха отражает первоначальный вид таких записей, организованных по годам правления, а не по годам от Сотворения мира. Именно из такой росписи могут происходить даты походов Владимира, достоверность которых подтверждается независимыми данными¹⁸³.

Наконец, стоит остановиться на том, каких форм раннего историописания *не было* на Руси. В первую очередь, речь может идти о генеалогиях. Хотя русские летописи изобилуют генеалогическими сведениями, тексты, специально посвященные родословию князей (или кого бы то ни было еще), не известны ранее XV в.¹⁸⁴ В древнейший период (XI в.) это может объясняться тем, что поколений княжеского рода от Рюрика до, скажем, Ярослава или Изяслава было еще немного, и их не требовалось записывать¹⁸⁵. Однако для более позднего времени, когда княжеский род стал обширным и разветвленным, а родственные связи и вопросы старшинства, несомненно, играли огромную роль, отсутствие специальных генеалогических росписей кажется странным — особенно на фоне сравнительно-исторических данных¹⁸⁶. Оставалась ли генеалогия на Руси эпохи Раздробленности целиком в сфере изустного знания, или же генеалогические росписи до нас просто не дошли, сказать невозможно.

¹⁸⁰ Иванов Вяч. Вс. Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.

¹⁸¹ См. в статье С.Г. Кляшторного.

¹⁸² См. в статьях М.Ю. Ульянова и Д.Д. Беляева.

¹⁸³ См. в статье А.В. Назаренко о датах походов на Польшу, Корсунь и хорватов.

¹⁸⁴ Древнейший пример — генеалогии русских князей в статьях, предшествующих Комиссионному списку Н1, которые В.Л. Янин датирует 1423 г. (Янин В.Л. К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // ЛХ, 1980. М., 1981. С. 158–159).

¹⁸⁵ И даже так: князья вели свой род от сравнительно недавно «призванных» варягов, а не от какого-то древнего первопредка, как в англо-саксонских королевствах или Скандинавии.

¹⁸⁶ Ср. в статьях М.Ю. Ульянова, Н.Ю. Живловой, Т.В. Гимона, Е.А. Мельниковой.

4. ВЫВОДЫ

Почти все наши представления о зачатках древнерусского историописания до сих пор остаются гипотетичными. Тем не менее о нескольких моментах можно, на мой взгляд, говорить довольно уверенно. Во-первых, на Руси в очень раннюю эпоху (как считает ряд исследователей, при Владимире, однако, вполне возможно, при Ярославе или даже позже) было составлено сравнительно пространное сочинение, излагавшее историю государства и династии и зафиксировавшее на письме исторические представления, ранее бытовавшие лишь изустно. Во-вторых, уже с начала XI в. в Киеве начали вестись краткие анналистические записи. В-третьих, эти два истока во второй половине XI в. породили синкретическую форму историописания, ставшую на несколько веков основной для Руси, — летописи. В-четвертых, вероятно появление на Руси уже в первой половине XI в. переводов византийских исторических сочинений, которые, несомненно, повлияли на формирование древнерусской историографии. В-пятых, в эпоху Ярослава возник текст, в котором эксплицитно объяснялось место Руси в мировой истории, — «Слово о законе и благодати» Илариона. Наконец, в-шестых, кажется вероятным существование в первой половине XI в. каких-то еще «малых форм историописания», например подобных летописчику, организованному по годам княжения Владимира и включенному в состав «Памяти и похвалы» Иакова Мниха. В дальнейшем (с середины — второй половины XI в.) есть основания говорить и о других «малых формах» — исторических надписях на стенах киевской Софии, перечнях-обзорах (в Новгороде) и др.

Итак, временем зарождения историописания на Руси оказывается первая половина XI в. или, самое раннее, рубеж X–XI вв. Имеющиеся данные не позволяют дать ясных и однозначных ответов те вопросы, которые были поставлены в предисловии к настоящему тому. Тем не менее выскажусь коротко по каждому из них.

1) Когда, на каком этапе становления государственности возникает историописание? Речь должна идти о рубеже X–XI вв. или первой половине XI в., т.е. о времени вскоре после официального принятия Русью христианства. Что касается развития самой государственности, то здесь, конечно, все процессы происходят постепенно, но именно в XI в., а точнее — в эпоху Ярослава и Ярославичей, мы впервые видим писанные законы (Краткая Правда), а в них — упоминания княжеского суда и различных должностных

лиц. Следовательно, именно в это время Киевская Русь становится ранним государством в его классическом варианте¹⁸⁷.

2) Как выглядят наиболее ранние формы историописания? Какие тексты возникают раньше других: краткие перечни и суммы, развернутые нарративы, что-то еще? Как формируется многообразие жанров историописания? Скорее всего, у истоков древнерусского историописания стоял, с одной стороны, развернутый нарратив об истории государства, а с другой — краткие погодные записи (анналы) и, возможно, росписи событий по годам правления правителя. Какой из этих двух истоков русской историографии появился раньше — вопрос пока не решенный. Во второй половине XI в., с одной стороны, складывается жанр летописи, соединивший эти два «начала», — магистральная форма русской историографии на несколько сот лет, — а с другой, появляется целый ряд «малых форм» историописания.

3) Кто выступает инициатором составления первых такого рода текстов? Какова роль государства (церкви и т.д.) в этом процессе? Точного ответа на эти вопросы у нас нет. Несомненно, что древнейшие формы историописания возникли в среде духовенства. Достаточно вероятно, что местом составления Древнейшего сказания была Десятинная церковь в Киеве. Однако об инициативе в этом деле высшего духовенства, и тем более княжеской власти, можно говорить лишь «из общих соображений». Из них такая инициатива, конечно же, выглядит вероятной.

4) Как соотносятся при этом внутренние потребности и внешние влияния? В какой мере создатели первых памятников историописания действуют «по образцам»? Насколько такие образцы необходимы для возникновения историописания? Эти вопросы чрезвычайно сложны применительно к Руси. Очевидно, что историописание появилось здесь тогда, когда начала более или менее широко внедряться письменная культура, а это, в свою очередь, проходило в связи с христианизацией и под мощным византийским и южнославянским влиянием. И конечно же, среди текстов, в славянских переводах появившихся на Руси, были и исторические — библейские книги, переводы хроник Георгия Амартола, Иоанна Малалы и

¹⁸⁷ Крадин Н.Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 228–229. Определенные данные о становлении аппарата управления уже в середине — второй половине XI в. дают новгородские берестяные грамоты (№ 247, 607/562, 902, 907 и др. — см.: <www.gramoty.ru>).

др., которые, несомненно, оказали влияние на ранние опыты русского историописания. Вопрос о том, какие конкретно переводные тексты и на каком этапе были использованы летописцами (или повлияли на них), — один из самых трудных, но в то же время перспективных для исследования (поскольку здесь существуют реальные тексты, которые можно сопоставлять). Последней работой на эту тему является монография Т.Л. Вилкул, которая склоняется к тому, что хроники Амартола и Малалы были использованы одним автором — создателем ПВЛ в начале XII в.¹⁸⁸ Исследовательница в деталях показывает, как древнерусский летописец пользовался переводными хрониками и как те повлияли на его стиль, характерные обороты и т.п.¹⁸⁹ О библейских цитатах и аллюзиях в начальном летописании тоже писали немало¹⁹⁰. Коль скоро мы принимаем гипотезу о Древнейшем сказании, наверное, стоит согласиться с мнением А.А. Гиппиуса о том, что на это сказание в его наиболее ранней форме повлиял только один переводной источник — библейские книги¹⁹¹. Впрочем, учитывая неопределенность датировки Древнейшего сказания и неоднозначность «расслоения» текста ПВЛ, вопрос остается открытым. В любом случае, ориентация на библейские и хронографические тексты не объясняет своеобразия древнерусского летописания как жанра: его погодной структуры¹⁹², его «несимметричности» — чередования «анналистических» записей, повествований, имеющих фольклорную основу, фрагментов, близких к агиографии, и др.¹⁹³

Также нельзя исключать влияния западных соседей Руси. Есть данные о разнообразных связях и взаимовлияниях Руси и таких стран, как, например, Польша, Чехия и Венгрия, особенно в XI в. Возможность таких взаимовлияний была обусловлена не только соседством, но и типологическим сходством недавно христианизиро-

¹⁸⁸ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 100–239. См. также статью Т.Л. Вилкул в настоящем томе.

¹⁸⁹ Вилкул Т.Л. Літопис і хронограф. С. 173–179 и др.

¹⁹⁰ См., например: Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 91–111 и др.

¹⁹¹ См. примеч. 80.

¹⁹² Мысль о влиянии на русские летописи структуры византийской хроники Георгия Синкелла, в которой были «пустые олимпиады» (*Истрин В.М.* Замечания. Т. 26. С. 88), остается не более чем догадкой.

¹⁹³ Отмечалось, однако, что и в хронике Амартола пространные повествования легко сочетаются с краткими сообщениями (*Милютенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого. С. 169; *Аристов В.Ю.* Свод, сборник или хроника? С. 110–111).

рованных государств¹⁹⁴. Есть данные и о конкретных текстах, попавших на Русь от западных соседей¹⁹⁵. Нельзя исключать и «заимствования практики» — например, практики ведения кратких анналов, известной в Польше и Чехии¹⁹⁶, хотя здесь вполне вероятно и чисто типологическое сходство.

Как бы то ни было, ни Древнейшее сказание (как оно реконструируется), ни летописный жанр (как мы его знаем со второй половины XI в.) не созданы «по образцам»: речь должна вестись о сложном симбиозе внешних влияний, внутренних потребностей и инициативы конкретных грамотных людей.

5) Как соотносятся на начальных этапах становления историописания письменное и устное? Устная историческая традиция была важнейшим источником раннего историописания на Руси, и этому посвящен целый ряд исследований¹⁹⁷. Очень важно, что устные источники были использованы не только создателем Древнейшего сказания, но и последующими компиляторами, причем в ряде случаев мы знаем, что уже в самой устной традиции конкурировали разные версии тех или иных событий (происхождение Кия, место крещения Владимира и др.), а историописатели были вынуждены выбирать и определять свою позицию¹⁹⁸. Это означает, что на протяжении XI — начала XII в., а вероятно и позже, устная традиция и историописание продолжали свое сложное взаимодействие.

6) Как соотносится возникновение историописания и появление других видов текстов (для христианских стран, например, агиографии)? Если верно отнесение древнейших образцов русского историописания к рубежу X–XI или первой половине XI в., то можно сказать, что исторические записи появляются на Руси в числе первых пись-

¹⁹⁴ См.: *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 594–600. О тесных контактах Руси с западными соседями в XI в. свидетельствует состав памятней в месяцесловах (*Лосева О.В.* Русские месяцесловы XI–XIV веков. М., 2001. С. 72).

¹⁹⁵ *Турилов А.А., Парамонова М.Ю.* Вацлава и Людмилы жития // ДРСМ. С. 108–110; *Флоря Б.Н.* Сказание о предложении книг на славянский язык // Там же. С. 743 (в последнем случае речь идет о тексте, вошедшем в состав ПВЛ [под 6406 (898) г.], западнославянское происхождение которого достаточно вероятно).

¹⁹⁶ *Гитцус А.А.* Древнерусские летописи. С. 24–27.

¹⁹⁷ *Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165; *Она же.* Историческая память в устной и письменной традициях; *Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.

¹⁹⁸ *Щавелев А.С.* Славянские легенды. С. 92–96.

менных текстов. Кроме богослужебных книг (в наличии которых сомневаться не приходится), в начале и первой половине XI в. известны записи законов (Древнейшая Правда), первые берестяные грамоты, надписи на монетах, печатях, цилиндрах-пломбах и др.¹⁹⁹ Что касается агиографических памятников, то их древнейшая история не менее гипотетична, чем древнейшая история летописания, но существует вероятность того, что какие-то, пусть небольшие, агиографические тексты были составлены уже в конце X — начале XI в.²⁰⁰

7) Может ли появление такого феномена, как историописание, рассматриваться как знак определенного уровня развития политического образования? Насколько обязательно возникновение историописания в обществе определенного уровня сложности? На Руси зарождение историописания достаточно четко соотносится, с одной стороны, с христианизацией и распространением письма, а с другой — с переходом к новой стадии ранней государственности. Насколько эта картина типична, сказать трудно — материалы, собранные в этом томе, говорят, скорее, о разнообразии того, как и в какое время в разных обществах появляются исторические записи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абрамович Д.И.* Отрывок из хроники Иоанна Малалы в Златоструе XII века // Сб. ст. в честь акад. А.И. Соболевского, изданный к 70-летию со дня его рождения Академией наук по почину его учеников. Л., 1928. С. 19–24.
- Акентьев К.К.* «Слово о законе и благодати» Илариона Киевского. Древнейшая версия по списку ГИМ Син. 591 // Истоки и последствия: Византийское наследие на Руси: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН И.П. Медведева. СПб., 2005. С. 116–151.
- Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.
- Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории: Сб. ст., 1975. М., 1976. С. 133–167.
- Анисимова Т.В.* О фрагментах хроники Георгия Амартола в Успенском сборнике рубежа XII–XIII вв. и в учительной части Пролога // Хризостом: Сб. ст. к юбилею Г.З. Быковой. М., 2003. С. 44–56.

¹⁹⁹ О древнейших этапах распространения письма на Руси см.: *Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010; *Girnius A.* Vichbark Literacy; *Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 489–513.

²⁰⁰ См. примеч. 99–104.

- Анисимова Т.В.* Хроника Георгия Амартола в древнерусских списках XIV–XVII вв. М., 2009.
- Аристов В.Ю.* Ранне літописання про уличів, древлян и Свенельда (до дискусії навколо ідей О.О. Шахматова) // Український історичний журнал. 2011. № 6. С. 172–182.
- Аристов В.Ю.* Свод, сборник или хроника? (О характере древнерусских летописных памятников) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 105–126.
- Артамонов Ю.А., Милютенко Н.И.* Иаков Мних // ДПСМ. С. 536–546.
- Баловнев Д.А.* Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. М., 2000. Сб. 4. С. 5–46.
- Бахрушин С.В.* [К вопросу о достоверности Начального свода] // *Бахрушин С.В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987. С. 15–35.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* О составе русских летописей до конца XIV века: 1) Повесть временных лет; 2) Летописи южнорусские. СПб., 1868.
- Бестужев-Рюмин К.Н.* Русская история. СПб., 1872. Т. 1.
- Бубнова М.М.* Проблема классификации древнерусских граффити XI–XIV вв. (на примере надписей Киевского Софийского собора) // ИИ. 2012. Вып. 5. С. 79–91.
- Бутков П.Г.* Оборона летописи русской, Несторовой, от навета скептиков. СПб., 1840.
- Вилкул Т.Л.* «И седе... Кыеве» (К характеристике одного из источников Новгородской первой летописи старшей редакции) // ВЕДС-ХV: Автор и его текст. М., 2003. С. 36–40.
- Вилкул Т.Л.* Новгородская первая летопись и Начальный свод // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2003. Vol. 11. P. 5–35.
- Вилкул Т.Л.* Краткий Троицкий хронограф конца XIV — начала XV вв. // *Ruthenica*. Київ, 2007. Т. 6. С. 366–396.
- Вилкул Т.Л.* Иудейский и Софийский хронографы в истории древнерусской хронографии // *Palaeoslavica*. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 65–86.
- Вилкул Т.Л.* Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015.
- Водолазкин Е.Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеинового повествования XI–XV вв.). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008.
- Галицько-Волинський літопис: Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М.Ф. Котляра; Координатор вид. В.А. Смолій. Київ, 2002.
- Гимон Т.В.* Летописные записи на пасхальных таблицах в сборнике XIV в. // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3. С. 569–589.
- Гимон Т.В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012.

- Гимон Т.В.* События XI — начала XII в. в новгородских летописях и перечнях // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 584–703.
- Гимон Т.В.* Крещение Нортумбрии у Беды Достопочтенного и крещение Руси в «Повести временных лет» // ВЕДС-XXVI: Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. М., 2014. С. 64–70.
- Гимон Т.В., Гиппиус А.А.* Русское летописание в свете типологических параллелей (к постановке проблемы) // Жанры и формы в письменной культуре средневековья. М., 2005. С. 174–200.
- Гимон Т.В., Орлова-Гимон Л.М.* Летописный источник исторических записей на пасхалии в рукописи РГБ. 304.1.762 (XV в.) // ИИ. 2014. Вып. 6. С. 54–79.
- Гиппиус А.А.* Древнерусские летописи в зеркале западноевропейской анналистики // Славяне и немцы: Средние века — раннее Новое время: Сб. тез. 16 конф. памяти В.Д. Королюка. М., 1997. С. 24–27.
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игоревы...: К лингвотекстологической стратификации Начальной летописи // RL. 2001. Vol. 25. P. 147–181.
- Гиппиус А.А.* У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах, 2002. М., 2003. С. 25–43.
- Гиппиус А.А.* Два начала Начальной летописи: К истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.
- Гиппиус А.А.* К проблеме редакций Повести временных лет // Славяноведение. 2007. № 5. С. 20–44; 2008. № 2. С. 3–24.
- Гиппиус А.А.* Рекоша дружина Игоревы...–3: Ответ О.Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2009. Vol. 17, no. 2. P. 248–287.
- Гиппиус А.А.* До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 37–63.
- Гиппиус А.А.* К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств: Мат-лы конф. М., 2012. С. 41–50.
- Голубовский П.В.* Очерк истории постепенного появления главнейших вопросов по разработке летописей // Университетские известия. Киев, 1886. С. 205–210.
- Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
- Добровольский Д.А.* Этническое самосознание древнерусских летописцев XI — начала XII в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
- Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в Древней Руси // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1: Древняя Русь. С. 586–617.
- Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1.

- Зимин А.А.* Память и похвала Иакова Мниха князю Владимиру и житие князя Владимира по древнейшему списку // Кратк. сообщ. Ин-та славяноведения АН СССР. М., 1963. Вып. 37. С. 66–75.
- Иванов Вяч. Вс.* Типология автобиографического поучения царя как жанра // Славяноведение. 2004. № 2. С. 69–79.
- Истрин В.М.* Замечания о начале русского летописания: По поводу исследований А.А. Шахматова // ИОРЯС. Л., 1921. Т. 26. С. 45–102; Л., 1924. Т. 27. С. 207–251.
- Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринт. изд. мат-лов / Вступит. ст., подгот. изд. и прил. М.И. Чернышевой. М., 1994.
- Каргер М.К.* К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Вып. 11. С. 59–71.
- Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
- Козьма Пражский.* Чешская хроника / Вступит. ст., пер. и коммент. Г.Э. Санчука. М., 1962.
- Костомаров Н.И.* Лекции по русской истории / Сост. по записям слушателей П. Гайдебуровым. СПб., 1861. Ч. 1: Источники русской истории.
- Крадин Н.Н.* Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии // ДГ, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 211–239.
- Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Лихачёв Д.С.* Софийский временник и новгородский политический перевод 1136 г. // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 240–266.
- Лосева О.В.* Русские месящесловы XI–XIV веков. М., 2001.
- Лурье Я.С.* История России в летописании и в восприятии Нового времени // Лурье Я.С. Россия древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 11–172.
- Маркевич А.И.* О летописях: Из лекций по историографии. Одесса, 1883. Вып. 1.
- Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: К вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 153–165.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 48–92.
- Мельникова Е.А.* Историческая память в германской устной традиции и ее письменная фиксация // Историческая память: Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 180–222.
- Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011.
- Миллер Г.Ф.* О первом летописателе Российском преподобном Несторе и его летописи и о продолжателях оных // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996. С. 5–14.

- Милотенко Н.И.* Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // *Rossica antiqua*, 2006: Исслед. и мат.-лы. СПб., 2006. С. 156–169.
- Милотенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси: Древнейшие источники. СПб., 2008.
- Милотенко Н.И.* [Рец.] // *ДРВМ*. 2011. № 1 (43). С. 112–121. — Рец. на кн.: Борисо-глебский сборник / Ред. К. Цукерман. Р., 2009. Вып. 1.
- Молодован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.
- Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назаренко А.В.* О времени написания «Слова о законе и благодати» Илариона // *ВЕДС–XVII: Проблемы источниковедения*. 2005. Ч. 1. С. 121–123.
- Насонов А.Н.* История русского летописания XI — начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969.
- Никольский Н.К.* Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. Вып. 1.
- Новгородская харатейная летопись / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1964.
- Пеев Д.П.* Новые данные о времени и месте перевода хроники Георгия Амартола // *ЛХ*, 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 13–38.
- Перевошиков В.М.* О русских летописях и летописателях по 1240 г.: Материалы для истории российской словесности. СПб., 1836.
- Погодин М.П.* Нестор, историко-критическое рассуждение о начале русских летописей. М., 1839.
- Присёлков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996.
- Присёлков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. 2-е изд. СПб., 2002.
- Рождественская Т.В.* Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // *ДГ*, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 489–513.
- Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963.
- Соловьёв С.М.* Соч. В 18 кн. М., 1988. Кн. 2.
- Срезневский И.И.* Чтения о древних русских летописях. Чтение I–III. СПб., 1862.
- Стефанович П.С.* «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum?* // *ДГ*, 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 514–583.
- Столярова Л.В.* Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // *ДГ*, 1995 год. М., 1997. С. 3–79.
- Сухомлинов М.И.* О древней русской летописи как памятнике литературном // Уч. зап. 2-го отделения Имп. акад. наук. СПб., 1856. Кн. 3. С. 1–230.
- Татищев В.Н.* Собр. соч. М., 1994. Т. 1.

- Творогов О.В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 3–26.
- Творогов О.В.* Хроника Иоанна Малалы // СККДР. Вып. 1. С. 471–474.
- Творогов О.В.* Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? // Славяноведение. 1992. № 2. С. 54–59.
- Тихомиров М.Н.* Начало русской историографии // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 46–66.
- Толочко А.П.* Перечитывая приписку Сильвестра 1116 г. // *Ruthenica*. Київ, 2008. Вип. 7. С. 154–165.
- Толочко А.П.* Очерки начальной Руси. Киев; СПб., 2015.
- Толочко П.П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
- Турилов А.А.* Ольги житие // ДРСМ. С. 576.
- Турилов А.А.* Сказание о варягах-мучениках // ДРСМ. С. 741.
- Турилов А.А.* Владимира князя жития // ДРСМ. С. 138–139.
- Турилов А.А., Парамонова М.Ю.* Вацлава и Людмилы жития // ДРСМ. С. 108–110.
- Усачёв А.С.* «Насыщение событиями» первых веков истории Древнерусского государства в исторических сочинениях XVI в. // ВЕДС-XXIII: Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. М., 2011. С. 286–292.
- Флоря Б.Н.* Сказание о преложении книг на славянский язык // ДРСМ. С. 743.
- Франклин С.* Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.). СПб., 2010.
- Хрущёв И.П.* О древнерусских исторических повестях и сказаниях XI–XII столетий. Киев, 1878.
- Цукерман К.* Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Р., 2009. Вып. 1. С. 183–305.
- Цыб С.В.* Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет». 2-е изд., испр. СПб., 2011.
- Цыб С.В.* Хронология домонгольской Руси. Ч. 1: Киевский период. Барнаул, 2003.
- Черепнин Л.В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды // ИЗ. 1948. Т. 25. С. 293–333.
- Шахматов А.А.* История русского летописания. СПб., 2002–2003. Т. 1, кн. 1–2.
- Шлёцер А.-Л.* Нестор: Русские летописи на древлеславенском языке, списанные, переведенные и объясненные А.Л. Шлёцером... СПб., 1809. Ч. 1.
- Щавелев А.С.* Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. М., 2007.
- Янин В.Л.* К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в. // ЛХ, 1980. М., 1981. С. 153–181.

- Baines J.* Ancient Egypt // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 53–75.
- Cooper J.S.* Sumerian and Akkadian Royal Inscriptions. New Haven (Co.), 1986.
- Gippius A.* Birchbark Literacy and the Rise of Written Communication in Early Rus' // Epigraphic Literacy and Christian Identity: Modes of Written Discourse in the Newly Christian European North. Turnhout, 2012. P. 225–250.
- Guimon T.V.* What Events Were Reported by the Old Rus' Chroniclers? // COLLeGIUM: Studies across Disciplines in the Humanities and Social Sciences. Helsinki, 2015. Vol. 17. P. 92–117 (<https://helda.helsinki.fi/bitstream/handle/10138/153792/VOL17_05_guimon.pdf?sequence=1>).
- Likhachev D.S.* Byzantium and the Emergence of an Independent Russian Literature // Literature and Western Civilization. The Medieval World. L., 1973. P. 163–190.
- Lowmiański H.* [Rec.] // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1948. T. 38. S. 279–284. — Rec. na ks.: *Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Michalowski P.* Early Mesopotamia // The Oxford History of Historical Writing. Oxford, 2011. Vol. 1. P. 5–28.
- Ostrowski D.* The Načal'nyj svod and the Povest' vremennyx let // RL. 2007. Vol. 31. P. 269–308.
- Poppe A., Jakubowski W.* Latopisarstvo Nowgorodu Wielkiego // SSS. 1967. T. 1. S. 27–28.
- Timberlake A.* Point of View and Conversion Narrative: Vita Constantini and Povest' vremennykh let // Miscellanea Slavica: Сб. ст. к 70-летию Б.А. Успенского. М., 2008. С. 256–272.
- Tolochko O.P.* Christian Chronology, Universal History, and the Origin of Chronicle Writing in Rus' // Historical narratives and Christian identity on a European periphery: Early history writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200). Turnhout, 2011. P. 207–229.

Timofey V. Guimon

ON THE BEGINNINGS OF HISTORICAL WRITING IN OLD RUS

The paper consists of four chapters. The first one contains an overview of the earliest extant forms of historical writing in Kievan Rus. These include: *letopisi* (annalistic chronicles, including the *Primary Chronicle*, or *Povest' vremennykh let*, of the 1110s), translations of Byzantine chronicles and compendia (*khronographs*) based on them (the latter, perhaps, do not belong

to the earliest forms of historiography), the mid-eleventh-century *Sermon on Law and Grace* of Metropolitan Hilarion (which includes historical reflections), the quasi-annalistic notes on Saint Vladimir in one of his early lives by Jacob the Monk, the 'historical' *graffiti* on the walls of the churches (the earliest ones date from the mid-eleventh century), the Novgorodian lists of princes and bishops (probably based on proto-lists of the 1090s), and some other minor forms of historical records.

The second chapter is an overview of the hypotheses expressed by scholars on the beginnings of historical writing in Rus. The most discussed one is the hypothesis of the so-called *Earliest Tale*, or 'narrative (non-annalistic) nucleus' of the *Primary Chronicle*. The hypothesis as such is convincing, but the date and the exact limits of this text are subject to debate and still problematic. This early narration could be created in Saint Vladimir's time, early in the eleventh century, but more probably in the time of Yaroslav the Wise (1016–1054) or even later. Another idea (and again very convincing one) is that of brief annals kept in Kiev during the first half of the eleventh century. These annals later, in the second half of the same century, were combined with the 'narrative nucleus' and gave birth to annalistic chronicles as we know them. Some other ideas on the form of the earliest historical records in Rus also are reviewed, including the likely hypothesis that Jacob the Monk's quasi-annals reflect a very early brief description of Vladimir's reign. The view at the *Primary Chronicle* of the 1110s as the earliest extended historical work in Rus is criticized.

The third chapter is dedicated to a comparative approach to the problem. One can find parallels to any of the early Rus historical writings but the problem is what the earliest, non-extant ones looked like. In ancient societies (Sumer, Egypt, China), where writing had developed independently and was not imported (as in Rus), brief records (such as royal inscriptions, annals of liturgical significance, king-lists, etc.) preceded comprehensive historiographical works for centuries or even millenia. But when we look at societies which (as Rus) received writing with conversion (Anglo-Saxon kingdoms, Poland, the Czechs, partly Scandinavia) we find an opposite picture: in these countries there were extended historical narrations which aimed to place a newly converted country and its dynastic past into the history of the world. The hypothetical *Earliest Tale* fits well this tendency. But in the countries mentioned the chronological distance between the conversion and the creation of such a historiographical work was not less than 100 years. Thus, it seems that the *Earliest Tale* must be dated later than Vladimir's reign to allow some chronological distance between it and the conversion of Rus in 988. The comparative material shows also that it is very probable that there were some early brief forms of historical writing, such as annals, lists of princely deeds etc. The absence of early written genealogies in Rus is, however, striking.

The fourth chapter contains conclusions. The beginnings of historical writing in Rus are still obscure, but one can be more or less sure that the first texts were, on the one hand, a coherent narrative on the early history of Rus and, on the other hand, brief annals. This time was an important period in the formation of the state in Rus when the court institutionalized and written laws appeared. The question of the status of the first historical writing as well of the role of influences from abroad also are discussed.

Key words: Old Rus, historical writing, annalistic writing, the *Primary Chronicle*, the *Earliest Tale*, annals, chronicles, comparative approach